

«Книга, прежде всего, представляет интерес констатацией того, как наша “правоохранительная система” проходила несколько рубежей падения. В ней хорошо показана деградация морального и профессионального уровня исполнителей системы подавления. Автор был непосредственным свидетелем событий, и книга важна своей фактологической стороной и скрупулезным описанием беззакония, которое мы наблюдаем уже девять лет. Желаем, чтобы книгу прочитало как можно больше студентов юридических вузов и молодых юристов – новое поколение, кто будет создавать правовое государство в России. С ним связаны наши надежды».

Михаил
Ходорковский,
Платон Лебедев

Константин РИВКИН

**ХОДОРКОВСКИЙ
ЛЕБЕДЕВ,
ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ**

**ЗАПИСКИ
АДВОКАТА
О «ДЕЛЕ ЮКОСа»
И НЕ ТОЛЬКО
О НЕМ**

Константин Евгеньевич Ривкин Ходорковский, Лебедев, далее везде. Записки адвоката о «деле ЮКОСа» и не только о нем

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8271896*

Ходорковский, Лебедев, далее везде: Записки адвоката о «деле ЮКОСа» и не только о нем // Предисловие Г. Падвы. : Этерна; Москва; 2013 ISBN 978-5-480-00304-8

Аннотация

За «делом ЮКОСа» много лет следили как вся наша страна, так и весь цивилизованный мир. На процессах против Михаила Ходорковского и Платона Лебедева столкнулись не только команда адвокатов и система российского правосудия, правого уже по самому определению. Это было противостояние нового бизнеса, его защитников и государственной машины... с вполне предсказуемым результатом.

Известный адвокат Константин Ривкин был не просто один из участников этих процессов, кому доступны все тонкости взгляда изнутри. Он на собственном опыте почувствовал, что это такое, когда государство борется с независимым бизнесом, не брезгуя при этом никакими средствами, вплоть до запугивания и преследования адвокатов.

Его книга – уникальное, написанное с адвокатским педантизмом и умной иронией свидетельство тех окаянных дней и судилищ, на которых уничтожалось предпринимательское будущее страны. Это не просто мемуары и биографии отдельных человеческих судеб, зачастую трагических. Это не только достоверная история разгрома некогда самой успешной нефтяной компании.

Книга содержит неизвестные подробности и доказательства, профессиональный анализ современных проблем российского уголовного судопроизводства, с глубоким проникновением в суть его проблем. И в то же время это пособие для нынешних юристов, вынужденных работать в системе, когда обращение «Ваша честь» звучит как невольный сарказм.

И, наконец, одна из самых ценных составляющих этого издания – дань памяти человеку, который, как и главные герои, стал так дорог автору за эти годы.

Содержание

Предисловие	5
От автора	7
Глава I	10
§ 1. Немного о себе	10
§ 2. «Ты помнишь, как все начиналось?»	13
§ 3. Что есть адвокатура	15
§ 4. Платон Лебедев	18
Глава II	26
§ 1. О команде защитников	26
§ 2. Секреты адвокатского закулисья	33
§ 3. Великий и могучий	45
§ 4. Адвокаты под ударами противника	61
Глава III	70
§ 1. Уголовная политика государства: от НЭПа до ЮКОСа	71
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Константин Ривкин Ходорковский, Лебедев, далее везде: Записки адвоката о «деле ЮКОСа» и не только о нем

Автор выражает признательность тем, кто оказал значительную помощь в подготовке книги.

В первую очередь – главному редактору «Новой газеты» Дмитрию Муратову, судебному репортеру той же газеты Вере Челищевой, художнику Павлу Шевелеву, фотокорреспонденту Татьяне Макеевой, а также коллегам, высказавшим свои замечания в ходе работы над рукописью

Предисловие Генриха Падвы

Фотографии №№ 1, 7-10, 13-19, 22-29, 31-43, 45, 47-55 и на лицевой стороне обложки сделаны Татьяной Макеевой (архив М. Ходорковского)

Дизайн – Александр Архутик

Предисловие

Светлой памяти Василия Алексаняна посвящается

Когда я взял в руки рукопись Ривкина о деле Ходорковского и Лебедева и не только об этом, меня изумило посвящение автором этой книги памяти Василия Алексаняна.

Книга о деле Ходорковского и Платона Лебедева написана защитником Лебедева, почему же посвящена она не кому-то из близких автора, а Василию Алексаняну, который непосредственным обвиняемым по этим делам не был?

Я внимательно читал, с огромным интересом и удовольствием, книгу, но этот вопрос долго оставался для меня открытым. И только глава восьмая, повествующая о жертвах «дела ЮКОСа», открыла мне глаза на смысл посвящения.

Именно в трагической судьбе Василия Алексаняна сфокусировались все ужасы, вся злобная жестокость и мстительность власти, послужившие началу и продолжению «дела ЮКОСа». Заведомо невиновного, смертельно больного человека лишали возможности бороться за свою жизнь, обрекали на мучительную гибель, и только за то, что он не желал предавать своих друзей, клеветать на них и в угоду следствия давать ложные показания.

Мужество этого человека, наряду с подлостью тех, кто измывался над ним, поистине потрясло.

Я вспоминал и свои встречи с Василием.

Мы с Александром Гофштейном, встретившись как-то с ним в кафе в одной из московских гостиниц, уговаривали Василия уехать, скрыться от неизбежного привлечения его к уголовной ответственности за его нежелание предать своих друзей. Василий был непреклонен в своем решении остаться и испытать свою судьбу. И эта судьба не случайно вдохновила главную идею прекрасной книги, написанной Константином **Рыбкиным**.

Как это ни странно, несмотря на безмерный трагизм «дела ЮКОСа», на исковерканные человеческие судьбы, я увидел в этой книге гимн мужеству, честности и непреклонности многих людей, не пожелавших предавать, лгать и покупать блага для себя, клеветца на других. Я увидел то, что мы иной раз забываем сейчас под гнетом лжи, продажности и подлости, – что все-таки есть еще люди, для которых честь дороже жизни и свободы, которые не желают за тридцать сребреников продавать и свою честь, и судьбу близких людей. Я понял, что жива еще Россия и есть в ней еще немало людей, перед которыми надо снять шляпу в глубоком поклоне. И все то, что написано в этой книге, о таких людях, как в первую очередь Василий Алексанян, Владимир Переверзин, Антонио Вальдес-Гарсия, Павел Ивлев, позволяет верить и надеяться, что Родина наша выживет и поднимется с колен, а подлость и жестокость будут побеждены. Недаром нашлись люди, такие, как бывший помощник судьи Васильева, и некоторые другие, которые заговорили и изобличили вопиющее неправоудие.

Поэтому эта книга, как я ее понял, именно об этом. И она не столько обвинительный акт против тех, кто вершил расправы, а гимн чести, порядочности и мужеству людей, которые еще, слава Богу, существуют в России.

Конечно, этим не исчерпывается содержание великолепного труда Константина Ривкина. В нем тщательно и подробно описаны многие перипетии как первого, так и второго процесса. Даны очень точные, живописные портреты участников процесса: судей, прокуроров, защитников. Воссоздана атмосфера судебных процессов, подробно и ярко описывается вся жестокая абсурдность обвинения и Ходорковского, и Лебедева, особенно во втором процессе.

Наряду с этим Ривкин демонстрирует блистательные знания и понимание как уголовного законодательства, так и специфики работы нефтедобывающих компаний. В ряде слу-

чаев подробное описание экономической составляющей судебного процесса и некоторых специфических юридических откровений может оказаться сложным для обычного человека и несколько скучным, что полностью компенсируется занимательностью сюжета и красочным описанием обстановки торжествующего абсурда в залах суда.

Несмотря на трагизм ситуации, отдельные фактические обстоятельства, зафиксированные ироническим взглядом автора, заставляют сквозь слезы смеяться вместе с присутствующими в зале, понимавшими нелепость происходящего. Этот смех сквозь слезы – одна из характерных достоинств книги. Ирония автора разоблачает вопиющие утверждения обвинения иной раз лучше, чем громкие аналитические пассажи и глубокие исследования.

Последних, впрочем, автор также не гнушается, демонстрируя огромную эрудицию и прекрасные знания как материалов дела, так и законодательства, имеющего к нему прямое отношение.

Признаюсь, после приговора по первому процессу среди прочих чрезвычайно грустных, я бы даже сказал – горестных, эмоций было и огромное чувство стыда. Стыда за отечественное, так называемое правосудие, в котором я пребывал более полувека. Стыда за свою беспомощность и невозможность оказать реальную помощь людям, которых защищаешь. Это чувство не оставляло меня до самого последнего времени. Я понимал, что защита, делавшая как в первом, так и во втором процессе все возможное, чтобы облегчить участь своих подзащитных, чтобы разоблачить несправедное обвинение, чтобы сказать правду и о людях, сидящих на скамье подсудимых, и о суде, в результате самим своим участием в делах как бы легализовала эти судебные рассмотрения, давая возможность ссылаться на то, что обвиняемые были обеспечены первоклассной защитой по своему выбору, и ей, этой защите, якобы были предоставлены все возможности для выполнения своих профессиональных обязанностей.

Между тем это все было фикцией, и от этого тоже было больно и стыдно. Но вот после прочтения прекрасного труда адвоката Ривкина мне стало несколько легче. Ибо я почувствовал, что все мы – защитники и Ходорковского, и Лебедева, и всех причастных к этому делу и пострадавших из-за него других людей, – мы все не запятнали свои имена причастностью к расправе над невиновными людьми и пытались сделать все возможное для того, чтобы противостоять заведомой клевете и подлости.

Генрих Падва

От автора

Как и когда зародился замысел написания этой книги?

Осенью 2011 года я был в служебной поездке в США. И когда в Чикаго встречался с одним из американских коллег, в числе прочего он спросил меня, не собираюсь ли я написать книгу о происходивших у меня на глазах событиях, связанных с уголовным преследованием Михаила Ходорковского и Платона Лебедева. Я ответил что-то неопределенное, и мы перешли к другим темам. Но когда такой же вопрос мне задали в Вашингтоне, а затем в Нью-Йорке, я понял, что потребность в очередной книге о так называемом деле ЮКОСа существует.

Конечно, нельзя сказать, что судебные процессы над сотрудниками нефтяной компании «ЮКОС» и соответствующие арбитражные разбирательства проходили при молчании прессы. Наоборот, «самому громкому делу за последние 100 лет», как его окрестили журналисты, были посвящены сотни, если не тысячи статей, интервью и репортажей, а материалов и высказываний в электронных СМИ и блогах счесть, вероятно, просто невозможно.

Появились в свет и книги, полностью или отчасти касающиеся данной проблематики. В числе первых, например, среагировали специалисты по вопросам налогообложения, ведь и сам ЮКОС пал под ударами именно налоговых органов, и его руководителям были предъявлены обвинения в уклонении от уплаты налогов. В этих работах анализировались претензии налоговиков и разбирались последующие тяжбы сторон в арбитражных судах с целью дать рекомендации практического характера для налогоплательщиков¹.

Собственно о судебной эпопее Ходорковского (и в меньшей степени его товарища по несчастью Лебедева, хотя сейчас они неразрывны) рассказано присутствовавшей в зале суда на протяжении всего второго процесса журналисткой «Новой газеты» В. Челищевой в книге «Заключенный № 1. Несломленный Ходорковский» (М., 2011).

Истории взлета и падения ЮКОСа, причинам расправы с Ходорковским и его товарищами по бизнесу посвящены исследования как российских, так и иностранных авторов. К примеру – «Михаил Ходорковский. Узник тишины: История про то, как человеку в России стать свободным и что ему за это будет» В. Панюшкина, «За что сидит Михаил Ходорковский» В. Перекреста, «Путин и дело ЮКОСа. Борьба за российскую нефть» М. Сиксмита, «Михаил Ходорковский: Поединок с Кремлем» О. Селина и другие.

Не сидят сложа руки и наши процессуальные противники, не чуждые эпистолярному жанру. Бывший первый заместитель Генерального прокурора РФ (2000–2006 гг.), а ныне сенатор, член Совета Федерации от администрации Ненецкого автономного округа, состоящий в Комитете по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, развитию гражданского общества, Юрий Бирюков уже не единожды отметился на литературной ниве. Он, по должности курировавший следствие в органах прокуратуры и непосредственно надзиравший за расследованием уголовных дел против сотрудников ЮКОСа, сразу после вынесения как первого приговора в отношении Ходорковского и Лебедева Мещанским судом Москвы, так и после второго приговора в Хамовническом суде написал несколько книг, где изложил суть выдвигавшихся обвинений и свое видение позиции защищающейся стороны. Они, соответственно, называются «Убийство без мотива» (2007), ««ЮКОС» – отмыwanie денег» (2009) и ««ЮКОС» – без политики» (2011).

---

¹ А. Родионов. Налоговые схемы, за которые посадили Ходорковского. М., 2006; О. Ласков. Не стань Ходорковским. Налоговые схемы, за которые не посадят. СПб., 2007; Ю. Виткина, А. Родионов. Налоговые преступники эпохи Путина. М., 2007.

Что же касается работ, посвященных непосредственно защите по «делу ЮКОСа», то их пока не было. Пожалуй, в этой связи следует упомянуть только небольшой раздел в мемуарах адвоката Генриха Падвы «От сумы и от тюрьмы...», вышедших в 2011 году.

В такой ситуации, вероятно, будет обоснованным несколько подробнее рассказать о событиях, происходивших в течение восьми с лишним лет с момента возбуждения первого, «экономического» «дела ЮКОСа» и наблюдавшихся глазами участника, выступавшего на стороне защиты. Наверное, «адвокатская кухня» интересна не только профессиональным юристам, но и как минимум читателям, неравнодушно следившим за сражениями на судебных фронтах.

При этом вопросы и проблемы, затрагиваемые в связи с сомнительнейшими экспериментами российской юстиции над ЮКОСом, его основными акционерами и менеджерами, позволяют одновременно говорить и в целом о состоянии отечественного правосудия, качестве законодательства, искривлениях правоприменительной практики. Здесь автору хотелось бы, пользуясь случаем, с одной стороны, «выпустить накопившийся пар», а с другой – констатировать, что «дело ЮКОСа» хотя и является во многих отношениях уникальным, однако в нем очень четко отразились и проявились едва ли не все характерные болезни нынешнего отечественного уголовного судопроизводства. Поэтому для истинного понимания реальной картины произошедшего у нас на глазах с одной из лучших в России нефтяных компаний и ее законными хозяевами важно иметь достаточно четкое представление о том, как и почему действуют правоохранительные органы на современном этапе развития нашего государства.

Естественно, что, освещая те или иные события либо давая им оценки, автор не претендует на истину в последней инстанции. Но в то же время оставляет за собой право высказывать собственное мнение, даже если оно не совпадает с официально продекларированным или уже имеется иное, изложенное участниками произошедшего. При этом его суждения могут не совпадать с точкой зрения или знаниями других членов адвокатской команды, работавшей по делу.

В каких-то случаях по ряду причин автор будет вынужден делать оговорки вероятностного характера, несмотря на полную собственную уверенность в истинности отстаиваемого утверждения.

Что в итоге получилось, насколько объективно и аргументированно повествование, познавательна ли и интересна выполненная работа – судить читателям.

Глава I

Вместо тезауруса

§ 1. Немного о себе

Несомненно, что про хвори и недуги интереснее, а главное – полезнее, узнать мнение не постоянного читателя журнала «Здоровье», а опытного практикующего врача, хотя в жизни встречаются оба варианта процесса познания медицинских премудростей.

Поэтому, как представляется, чтобы судить о том, насколько автор владеет той или иной тематикой и можно ли доверять его умозаключениям на различные темы, хорошо бы ознакомиться для начала, хотя бы коротко, с его биографией. Исходя из сказанного, в данном разделе в весьма сжатом виде будет представлен жизненный путь автора или, говоря словами одного из героев произведений писателя Юлиана Семенова, – самодонос.

Я родился и вырос в Москве. Несмотря на то что мои родители – технари по образованию (мать – строитель, а отец до пенсии трудился в атомной энергетике), их чадо тянуло больше к гуманитарным предметам. Не знаю, сказалось ли здесь чтение детективов, но первым моим местом работы после окончания средней школы была Прокуратура РСФСР, где я устроился секретарем в канцелярию, откуда и ушел затем отдать долг Родине в рядах Советской армии.

Тяга к юриспруденции не ослабла и после возвращения домой, поэтому я поступил в Московскую высшую школу милиции МВД СССР. «Вышка» в те времена давала очень неплохие профессиональные знания, особенно по таким дисциплинам, как уголовный процесс, уголовное право, криминалистика, а потому ее выпускники очень быстро адаптировались на практике, имея хорошую теоретическую подготовку и затем получая навыки работы следователем или оперативником. Сейчас это Университет МВД РФ, с тех пор сильно выросший как своей учебной базой, так и в плане расширения специализации сотрудников, которые готовятся для подразделений московской полиции.

Забавно, но, когда на последнем курсе у нас появилась следственная специализация, я был уверен, что после выпуска буду работать кем угодно, но только не следователем по так называемым хозяйственным делам. Не хотелось ковыряться в огромных массивах всяких бухгалтерских документов и дышать пылью. Однако по иронии судьбы уже с момента прихода на студенческую стажировку и до настоящего времени я занимаюсь только делами, касающимися экономической преступности, – сначала как следователь, затем как научный работник, а сейчас уже в качестве адвоката-защитника. И ни разу об этом не пожалел.

Зародившееся в вузе стремление к науке не ослабевало и позже, и тогда я, поднакопив на следственной работе опыта, наблюдений и идей, поступил в адъюнктуру Академии МВД СССР. А потом около десяти лет преподавал криминалистику на кафедре Юридического института МВД РФ.

Криминалистика, если дать короткое определение, – это наука о средствах и методах раскрытия и расследования преступлений. Ее изучают в учебных заведениях все будущие оперативные работники, следователи, прокуроры и судьи. Она также нужна и адвокатам, практикующим по уголовным делам. Если взять категорию дел экономической направленности, то в криминалистике можно почерпнуть знания о типичных для них судебных экспертизах, особенностях проведения следственных действий (допрос, обыск, очная ставка, выемка и т. д.), методиках расследования отдельных видов преступлений, совершаемых в сфере предпринимательской деятельности.

Кандидатскую диссертацию я посвятил исследованию одного из видов косвенных доказательств по актуальным на практике хозяйственным делам. В сфере научных изысканий внимание привлекали процессы, происходившие в перестроечные времена в кооперативном движении, во внешнеэкономической и банковской деятельности, в налогообложении.

Однако после необходимой выслуги лет погони пришлось снять и сменить профессию. Хорошо помню, как начальник кафедры, взяв в руки мой рапорт, сказал: «Очень сожалею, но отношусь с пониманием. Троих детей надо кормить». Последние слова очень хорошо объясняют причину принятого мною непростого решения.

Особых раздумий по поводу того, куда идти, не было. Так уж сложилось, что оставляющие службу оперативники чаще всего идут в частные охранные предприятия, а следователи – в адвокатуру.

Как-то отложилось в памяти, что один из лучших моих учеников, узнав о дальнейших намерениях пойти в адвокаты, в кругу сослуживцев недовольно высказался так: «Он перешел на другую сторону баррикад». Такую оценку чьих-либо действий в схожих случаях приходится и сейчас слышать не так уж редко. Я с этим не согласен, поскольку в нормальном государстве, где властвует закон, обе противоборствующие стороны должны честно служить правосудию и добиваться справедливого и обоснованного разрешения дела. По этому поводу прекрасно высказался авторитетнейший дореволюционный судебный деятель А. Кони: «Состязательное начало в процессе выдвигает как необходимых помощников судьи в исследовании истины – обвинителя и защитника. Их совокупными усилиями освещаются разные, противоположные стороны дела и облегчается оценка его подробностей»².

Что же касается реалий сегодняшнего дня, то я приведу мнение известного в юридических кругах человека, которого пресса окрестила «прокурором, ставшим одним из самых авторитетных адвокатов современности», – Юрия Костанова, в советское время прошедшего путь от следователя до ответственного работника Прокуратуры СССР. Когда бывшие коллеги стали ему говорить, что он «поменял знамена», перейдя в адвокатуру, ответ был таков: «Знамена я не менял... Более того, я считаю, что в настоящее время знамена поменяла прокуратура. Сегодня там работать стыдно. Я вижу, что они делают, и меня это, мягко говоря, не устраивает»³.

Кстати, упомянутый выше мой ученик, проработав какое-то время следователем, пришел затем в науку, где и успешно трудится до сих пор. Некоторое время назад, когда мы с ним случайно встретились на одной научно-практической конференции, он стал интересоваться моим мнением о целесообразности своего поступления в адвокатуру. Видимо, правильный выбор позиции на баррикадах приходит только с накоплением необходимого багажа жизненного и профессионального опыта...

Сдав вступительный экзамен и получив статус адвоката, я пришел в 1996 году на работу в одну из юридических консультаций Московской городской коллегии адвокатов. Это самая известная и многочисленная коллегия, где трудились и трудятся многие мэтры российской адвокатуры. Про нее недавно мне пришлось услышать такую шутку: «В городской коллегии работают самые красивые женщины и самые умные мужчины». Не знаю, согласны ли с этим представительницы прекрасного пола, но точно могу подтвердить, что в ходе реформирования института адвокатуры, начало чему положил принятый в 2002 году закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», ряды МГКА поредели за счет создания новых адвокатских образований, куда ушла часть таких мужчин.

---

² Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1956. С. 39.

³ «Новая адвокатская газета», 2011, № 12.

Одно такое образование – бюро, реорганизованное затем в коллегия, – создал работавший вместе со мной известный столичный адвокат Георгий Каганер. Я вошел в число нескольких человек, сформировавших эту структуру, которая была названа по имени ее создателя – «Каганер и партнеры». Небольшой коллектив быстро получил известность и завоевал авторитет среди клиентов. Достаточно сказать, что после возникновения «дела ЮКОСа» эта крупнейшая в стране нефтяная компания, если можно так сказать, «зашла» в наше небольшое адвокатское образование, насчитывавшее всего семь человек, с двух сторон: адвокат Каганер был приглашен защищать одного из сотрудников службы безопасности ЮКОСа Алексея Пичугина, а мне поступило предложение войти в команду защитников Платона Лебедева. В дальнейшем к работе по «делу ЮКОСа» по мере необходимости мы привлекали и других адвокатов нашей коллегии – Татьяну Симонову, Александра Головина, Виктора Губанова.

Здесь остается лишь добавить, что, придя в адвокатуру, я не изменил своему пристрастию и продолжил специализироваться на делах экономической направленности. Приходилось защищать людей, обвинявшихся в растратах, присвоении, мошенничестве, уклонении от уплаты налогов, незаконном предпринимательстве, контрабанде. При этом некоторые из клиентов занимались бизнесом в топливно-энергетической сфере экономики. Целый ряд проведенных дел был связан с работой существовавшей в то время налоговой полиции. Дела сколь непростые, столь и интересные. Не могу сказать, что это исключительно моя заслуга, но все они без исключения завершились полной реабилитацией подзащитных. Возможно, поэтому мне и достались по первому делу против Ходорковского и Лебедева эпизоды, связанные с налоговыми обвинениями. Но об этом несколько позже.

§ 2. «Ты помнишь, как все начиналось?»

А начиналось все так. В первых числах июля 2003 года, когда, находясь вдали от Москвы, я был увлечен одним из своих любимых занятий – собиранием грибов, на мобильный телефон позвонил один из коллег. Он предложил вернуться в столицу, чтобы подключиться к защите тогда еще неизвестного мне Лебедева Платона Леонидовича, накануне задержанного в госпитале имени Вишневского и доставленного в следственный изолятор ФСБ «Лефортово». Суть претензий к Лебедеву на тот момент ясна не была, причем ситуацию не прояснило последующее выяснение того факта, что 20 июня 2003 года Генеральной прокуратурой РФ возбуждено уголовное дело № 18/41-03, по которому он задерживался, а вскоре был заключен под стражу.

Неясность состояла в том, что данное дело было возбуждено вовсе не против Лебедева или кого-либо из сотрудников ЮКОСа. В постановлении следователя Салавата Каримова указывалось, что поводом для принятия такого процессуального решения послужили «материалы проверки правомерности действий должностных лиц Российского Фонда Федерального имущества по возмещению ущерба в связи с невозвращением в федеральную собственность акций ОАО «Апатит». Это была явно «дымовая завеса». Ни одной фамилии в документе указано не было. Из текста было видно, что как раз этого следователь пытался избежать, допуская обороты, явно чуждые общеупотребительным правилам русского языка: «Представив указанный недостоверный отчет в суд и введя его в заблуждение, сторонами было достигнуто утверждение мирового соглашения...» Да и в резолютивной части постановления были указаны вовсе не те составы преступлений, которые впоследствии в наибольшей степени отяготили обвинения Ходорковскому и Лебедеву.

Однако на момент моей прогулки по лесу все это известно еще не было, а уточняющие вопросы позволили лишь уяснить, что преследование Лебедева несомненно связано с его близостью к Михаилу Ходорковскому, возглавлявшему ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС»».

Нужно заметить, что Лебедев, в отличие от Ходорковского, никогда не был публичной фигурой и его не столь частые общения с представителями прессы посвящались сугубо узкопрофессиональным вопросам. Поэтому его имя в тот момент мне ничего не говорило.

Иное дело – Ходорковский. Он, благодаря активному вниманию со стороны СМИ, как и его компания «ЮКОС», устойчиво ассоциировался с крупным и успешным бизнесом. Хотя подробными деталями, конечно, я не владел. Вспоминаю, что когда на одном из судебных заседаний Ходорковский спросил у выступавшего свидетеля – бывшего руководителя предприятия, в каком качестве тот его воспринимал, он услышал позабавивший всех присутствовавших в зале ответ: «Как начальника денежного мешка!» Наверное, приблизительно такие же представления об этом человеке были на тот момент и у меня.

О самой компании «ЮКОС» я знал, что это один из успешно развивающихся крупнейших нефтяных холдингов России. Его название четко отложилось в памяти еще и потому, что однажды в связи с капризами двигателя моего автомобиля, не любившего некачественный бензин, я спросил в фирменном техцентре, топливом какой компании они рекомендуют заправляться. Из названных трех на первом месте стоял ЮКОС, после чего я непременно посещал только его бензоколонки, помеченные логотипом с желто-зеленым треугольником.

Поэтому по прибытии в Москву предстояло со всеми возникшими вопросами разбираться, приступив к выполнению традиционных обязанностей адвоката...

Здесь самое время сказать несколько слов о предназначении адвокатов. Проблема в том, что у определенного числа граждан, часть из которых становится нашими доверителями, по самым разным причинам укоренилось весьма превратное представление об адво-

катской профессии. Одним защитник видится как некий всемогущий фокусник, при чьем появлении в ужасе разбегаются следователи и прокуроры, а судья под его гипнотическим воздействием начинает рыдать в мантию и пачками выносить оправдательные приговоры. Другие считают, что адвокат – это не более чем подходящий посредник между ними и следователем либо судьей в передаче взятки за вынесение выгодного клиенту процессуального решения. Существуют и иные вариации на данную тему, ничего общего не имеющие с задачами, которые обязан решать адвокат-защитник, исходя из предписаний и смысла закона. Именно поэтому в общении адвоката и его клиента приходится наблюдать директивно-потребительский стиль поведения последнего.

По данному поводу очень показательный диалог между вымышленными героями «Приключений Чиполлино» приводит известный итальянский писатель Джанни Родари, чьи повествования в значительной части явно были адресованы скорее взрослым, чем детям:

«– Адвокат вы или нет?

– О да, Ваша милость, специалист по гражданскому, уголовному, а также и каноническому праву. Окончил университет в Саламанке. С дипломом и званием...

– Ну, ежели с дипломом и званием, так, стало быть, вы подтвердите, что я прав. А затем можете убираться восвояси».

Подобные «всплески» наблюдались и в ходе работы по нашему делу. Помню, как где-то осенью 2003 года мне позвонил Василий Алексанян и попросил переговорить по возникшему налоговому вопросу с находящимся рядом с ним одним из руководителей ЮКОСа. Я, безусловно, согласился, но сразу обратил внимание на то, что тон собеседника, того самого руководителя, сильно походил на указания барина своему приказчику. Внезапно в разговоре возникла пауза, после чего он продолжился, но уже совершенно в иной, нормальной тональности. Позже Алексанян, занимавший высокий пост в иерархии ЮКОСа и в то же время имевший статус адвоката, рассказал мне, как ему и в этом, и в ряде других случаев пришлось заниматься разъяснительной работой среди первых лиц ЮКОСа, включая Ходорковского. Он объяснял им, что адвокат – это вовсе не штатный наемный работник, с которым можно общаться, исходя из армейского принципа «приказ начальника – закон для подчиненного».

Результаты такого «просветительства» через какое-то время имелись налицо, хотя рецидивы, бывало, случались и у Ходорковского, и у Лебедева. Как-то в самом начале судебного процесса по первому делу в Мещанском суде наблюдалась такая картина. Ходорковский, находясь в металлической клетке, установленной за рядом сидений, где располагались адвокаты, начал что-то довольно категорично говорить координатору своей адвокатской команды Генриху Падва о том, как тому следует поступить после открытия заседания. Резко обернувшись, Падва ответил: «Если вы лучше меня знаете, как вести защиту, то сами себя и защищайте». На этом инцидент был исчерпан, поскольку Ходорковский отнесся к такому выпадку с пониманием.

(Справедливости ради необходимо отметить, что сам Генрих Падва описывает случившееся несколько по-иному, а именно: «Дослушав его “наставления”, я с улыбкой спросил своего подзащитного: “Михаил Борисович, я запомню, кто чей труд оплачивает – вы мой или я ваш?” Он мгновенно понял, о чем идет речь, улыбнулся, и наши взаимоотношения были выстроены».)⁴

А теперь несколько пояснений об истинном предназначении адвокатуры.

---

⁴ Падва Г. От сумы и от тюрьмы... Записки адвоката. М., 2011. С. 271.

§ 3. Что есть адвокатура

Конституционной основой существования института адвокатуры выступает статья 48 Основного закона, предусматривающая, что каждый российский гражданин имеет право на получение квалифицированной юридической помощи. Именно такую качественную помощь и призван оказывать адвокат, в уголовном процессе именуемый защитником, если он возлагает на себя бремя отстаивать интересы подозреваемых, обвиняемых, подсудимых.

Во всем мире адвокат – профессия почетная и уважаемая. Не случайно Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) в своих решениях неоднократно указывал на то, что особый статус адвокатов обеспечивает им центральное место при отправлении правосудия как посредникам между обществом и судами. Весьма знаменательно, что с годами стабильно увеличивается число тех государственных деятелей самого высокого уровня, кто в качестве трамплина в своей карьере имел адвокатскую практику. В США, к примеру, это президенты Б. Обама, Р. Никсон, Ф. Рузвельт, в Великобритании – премьер-министр Т. Блэр, в Канаде – премьер-министры Ж. Кретьен, П. Трюдо. В Российской Федерации в адвокатуре состояли экс-президент РФ, ныне премьер-министр Д. Медведев, первый вице-премьер правительства И. Шувалов, председатель Высшего арбитражного суда РФ А. Иванов, председатель Следственного комитета РФ А. Бастрыкин, уполномоченный при президенте РФ по правам ребенка П. Астахов, начальник Еланского контрольного управления президента РФ К. Чуйченко, полномочный представитель Правительства РФ в высших судебных органах М. Барцевский.

Чтобы лучше разобраться в вопросе о сущности адвокатской профессии, начнем с небольшого экскурса в историю становления адвокатуры.

Слово «адвокат» происходит от латинского корня *advocare, advocatus* – призвать, призванный на помощь. Изначально древние римляне называли адвокатами родственников и друзей человека, сопровождавших его по дороге в суд и дававших советы, как себя там лучше вести. Со временем, когда в период Римской империи стали формироваться черты состязательности процесса, этим же термином называли судебных защитников. Согласно римскому праву имевший юридическое образование адвокат обязан был защищать своего клиента сначала на предварительном следствии перед претором (титул должностного лица, одной из обязанностей которого было проведение дознания), а затем и на суде.

Впрочем, на пальму первенства в этом вопросе претендует и Древняя Греция, поскольку там правозащитные функции потенциальных адвокатов формировались за счет взаимной обязанности членов общины поддерживать друг друга. У греков каждая фила (структурное подразделение гражданской общины) должна была представить на разбор дела определенное число адвокатов, в задачу которых первоначально входила дача кратких свидетельств о поведении тяжущегося, но с течением времени они стали принимать непосредственное участие в судебном процессе, в том числе ведя дела политических партий, союзов и городов.

Российская адвокатура приобретала современные черты под очевидным влиянием соответствующих европейских институтов. Так, в XVIII–XIX веках во Франции, Англии, Бельгии, Италии, Германии и других странах активно действовали профессиональные юристы, которых, в зависимости от функционировавшей в государстве правовой системы и обретенного статуса, называли барристерами, адвокатами, солиситорами, прокураторами.

О нашей стране можно сказать, что переориентация на политическое устройство и стиль жизни европейских государств вынуждала известного реформатора Петра I вносить соответствующие изменения и в судебную систему. В принятом в марте 1715 года «Кратком изображении процессов или судебных тяжб» содержалась глава под названием «О адвока-

тах и полномочных». Здесь разъяснялось: «Хотя в середине процессу челобитчик или ответчик занеможет или протчие важные причины к тому прилучатся так, что им самим своей особою в кригсрехте (воинском суде. – *К. Р.*) явитца невозможно, то позволяетца оным для вывода своего дела употреблять адвокатов и оных вместо себя в суд посылать».

Нельзя не отметить, что начиная с царских времен и до современного периода власти предержавшие относились (и относятся сегодня) к адвокатуре как к неизбежному злу, в их понимании препятствующему правильному и быстрому отправлению правосудия. В том же петровском акте есть следующий пассаж: «...Когда адвокаты у сих дел употребляются, оные своими непотребными пространными приводами судью более утруждают, и оное дело толь паче к вящшему пространству, нежели к скорому приводят окончанию». Еще более категорично через пару сотен лет на ту же тему высказался Владимир Ленин – юрист по образованию, поработавший какое-то время присяжным поверенным: «Адвоката надо брать ежовыми рукавицами и ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает». Заметим, что подобные высказывания в устах будущего руководителя государства, включенные затем в полное собрание его сочинений, звучат как руководство к действию со всеми вытекающими отсюда печальными последствиями. Хотя на самом деле это была развернутая рекомендация своим товарищам-революционерам, оказавшимся в январе 1905 года в тюрьме, где, в частности, содержалось и такое предписание: «Брать адвокатов только умных, других не надо».

Возвращаясь к историческим корням российской адвокатуры, укажу, что рубежным этапом ее формирования явилась судебная реформа 1864 года, заложившая правовую базу для создания профессиональной самоуправляемой организации адвокатов. 20 января 1864 года царь Александр II издал «Указ Правительствующему Сенату», в котором провозглашал свое желание «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего». Во исполнение воли государя 29 ноября 1864 года было принято «Учреждение судебных установлений», согласно которому при судебных местах отныне должны были находиться присяжные поверенные.

Адвокатская деятельность состояла в консультировании клиентов, в ведении по их поручениям тяжб, выступлениях перед судом, подготовке документов по уголовным и гражданским делам. С 1890 года стала развиваться коллективная форма работы в виде юридических консультаций, объединявших в себе адвокатов – поверенных.

Рассматриваемый период истории породил плеяду известных талантливых адвокатов, чьи имена знакомы многим, – это Ф. Плевако, П. Александров, В. Спасович, А. Урусов, Н. Карабчевский, С. Андреевский и другие. Тот же А. Кони очень высоко оценивал деятельность адвокатов и в одной из своих работ писал, что уголовный защитник представлялся как человек, «вооруженный знанием и глубокой честностью, умеренный в приемах, бескорыстный в материальном отношении, независимый в убеждениях, стойкий в своей солидарности с товарищами. Он должен лишь являться правозаступником и действовать только на суде и на предварительном следствии – там, где это допускается, быть не слугою своего клиента и не пособником ему уйти от заслуженной кары правосудия, но помощником и советником человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют. Не будучи слугою клиента, защитник, однако, в своем общественном служении – слуга государства и может быть назначен на защиту такого обвиняемого, в помощь которому по собственному желанию он бы не пришел. И в этом случае его вполне бескорыстная роль почтенна, ибо нет такого падшего и преступного человека,

в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову снисхождения»⁵.

Весьма любопытно, что в отношении самого Анатолия Кони у многих имеется представление, что он был адвокатом (присяжным поверенным). Даже Владимир Путин был удивлен, когда однажды при обсуждении вопросов, связанных с историей российской юриспруденции, Михаил Барщевский объяснил ему, что на самом деле тот являлся прокурорским, а затем судебным деятелем. Полагаю, что такому распространенному заблуждению имеется объяснение. В сознании многих современников человек высокопрофессиональный, теоретически подкованный и совершенно искренний в своих помыслах об идеалах истинного Правосудия не может ассоциироваться с кем-либо, кроме адвоката...

В советское время, несмотря на особенности существования партийно ориентированной системы правоохранительных органов, происходило становление адвокатуры как относительно независимой от государства, самоуправляемой корпорации профессиональных юристов, призванных защищать и отстаивать права и интересы граждан. Постепенно права защитников расширялись, их участие в уголовном судопроизводстве начиналось со все более ранних стадий. В научной литературе и публицистике роли адвокатов уделялось значительное место, в том числе – при анализе таких важных правовых проблем, как презумпция невиновности и защита прав обвиняемого.

Известный ученый-процессуалист профессор Михаил Строгович в своем монументальном «Курсе советского уголовного процесса» (1968 год) отмечал, что накопленный опыт показал полезность и эффективность участия защиты на предварительном следствии. Позднее в другой своей работе ученый указывал: «В уголовно-процессуальной науке и в практической судебной и следственной деятельности подчас проявляется стремление как-то умерить активность адвокатов-защитников, и это аргументируется и мотивируется опасением, что они могут в той или иной мере помешать борьбе с преступностью, ослабить ее эффективность, помочь преступнику уйти от ответственности». Однако, по мнению Строговича, такое отношение к деятельности адвокатов противоречит законодательству: «Настойчивая, принципиальная, смелая защита в уголовном процессе не препятствует, а содействует борьбе с преступностью, помогает устранять ошибки в разрешении уголовных дел – неосновательное осуждение невиновных лиц, применение к виновным наказаний свыше меры их действительной вины и т. п.»⁶.

В настоящее время деятельность адвокатов регламентируется принятым в 2002 году федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре». В нем адвокат определяется как независимый профессиональный советник по правовым вопросам. При этом весьма важно отметить, что в сфере уголовного судопроизводства полномочия адвокатов-защитников предусматривают право собирать и представлять доказательства, привлекать специалистов, заявлять ходатайства и отводы, участвовать в следственных действиях, проводимых с подзащитным, приносить жалобы, участвовать в интересах доверителя в судебных разбирательствах, использовать иные не запрещенные законом средства и способы защиты.

Все свои полномочия адвокат обязан добросовестно использовать в интересах доверителя, нуждающегося в правовой помощи. Таковым для группы адвокатов летом 2003 года стал П. Лебедев.

---

⁵ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 43.

⁶ Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. М., 1984. С. 51–52.

§ 4. Платон Лебедев

Так сложилось, что по объективным причинам очень много на сегодняшний день написано именно о Михаиле Ходорковском. А его товарищ по несчастью – друг и компаньон Платон Лебедев – оставался как бы в тени. Как уже отмечалось, он и ранее, в период взлета «Менатеп» и ЮКОСа, был менее публичной фигурой. И даже когда началось преследование, частенько писали и говорили только о «деле Ходорковского». Но поскольку свой крест нести на Голгофу нашим подзащитным пришлось бок о бок вдвоем (мало различающиеся друг от друга обвинения, одинаковые сроки наказания), такую несправедливость следовало бы исправить.

Наверное, этот раздел книги самый непростой для автора. Крайне сложно передать в довольно сжатом виде свои впечатления о человеке, которого вместе с коллегами защищал свыше восьми лет от уголовно-репрессивной государственной машины. За этот немалый срок чего только не было – притирание друг к другу, жаркие споры о стратегии и тактике, совместная работа с документами, решение возникающих у родственников проблем, встречи с бывшими сослуживцами, выяснение отношений с администрацией СИЗО и колоний, конфликты и взаимные упреки. И естественно, каждодневные сражения за установление истины и опровержение несуразных обвинений в ходе расследований и судебных разбирательств.

При всем при этом каждый, кто имел возможность пообщаться с Платоном Лебедевым то количество времени, которое позволяет составить о нем суждение, наверняка признаёт в нем могучую личность. Недруги определяют достойного противника, деловые партнеры – великолепного профессионала, друзья – верного товарища, родные и близкие – нежного и заботливого отца, мужа, деда. Кстати, отвечая на вопросы посетителей одного из популярных сайтов, Лебедев с гордостью написал: «У меня четверо прекрасных детей и трое великолепных внуков, любимые жена, брат и другие родные и дорогие для меня люди (“добрые ангелы”»).

Впрочем, не стоит тут рисовать образ безупречного святого, да и сам Платон Лебедев на него не претендует. Это просто клиент, представляемый субъективным взглядом защитника с учетом специфики ситуации, в которой нам пришлось общаться, и не более того.

И для начала – его биография, начинающаяся довольно ординарно. Родился в Москве 29 ноября 1959 года. После школы трудился учеником слесаря-инструментальщика на одном из московских предприятий. Образование получил в Академии народного хозяйства им. Плеханова, после чего на титульном листе его трудовой книжки в графе «профессия» появилась надпись – «экономист». В июле 1981 года был зачислен в планово-экономический отдел объединения «Зарубежгеология» Министерства геологии СССР. Это министерство занималось организацией изучения недр страны в целях обеспечения запасами полезных ископаемых потребностей народного хозяйства. Задачей «Зарубежгеологии» было проведение геолого-разведочных работ за пределами СССР. Кстати, именно из «Зарубежгеологии», которую Платон Лебедев покинул в 1990 году, ушли «на вольные хлеба» в зарождавшийся бизнес некоторые его сослуживцы, чьи имена затем мы многократно встречали на страницах «дела ЮКОСа». В частности, речь идет о Леониде Невзлине и Михаиле Брудно.

Они впоследствии рассказали корреспонденту ВВС Мартину Сиксмицу, что первыми стали сотрудничать с Михаилом Ходорковским, создавшим Центр межотраслевых научно-технических программ, от которого и пошло название «Менатеп». И когда понадобился менеджер по линии финансовой деятельности, предложили кандидатуру сослуживца по «Зарубежгеологии» Платона Лебедева. Его характеризовали Ходорковскому как отличного претендента, проявившего себя честным и умелым работником, с репутацией человека, кого

«все любят и боятся». «Когда возникала проблема, решал ее именно Лебедев. Он мог впасть в гнев, причем очень быстро, и гнева его боялись, но также любил шутку и был верным другом... Даже его враги были вынуждены признать, что Лебедев – это финансовый гений. Работа была его страстью». Так говорится в книге Сиксмита, названной «Путин и дело ЮКОСа. Борьба за российскую нефть». Продолжая разговор о Лебедеве, англичанин пишет: «Когда он пришел в Менатеп, то быстро навел там порядок, которого до этого там заметно не хватало. Он подвел под все дело солидное финансовое основание и держал денежные потоки под твердым контролем. Высокий, импозантный мужчина с рано поседевшими волосами, Лебедев олицетворял собой власть. Его финансовые способности помогли в последующие пятнадцать лет получать большие доходы по мере того, как вся команда молодых предпринимателей создавала деловую империю, ворочавшую миллиардами долларов»⁷.

Сферой дальнейшего применения своих сил, знаний и опыта Платон Лебедев избрал нарождающийся банковский сектор, и уже в июле 1993 года он вырос до президента банка «Менатеп» – одного из первых коммерческих банков России, получивших лицензию Госбанка СССР. Проработав затем относительно недолго в ЗАО «Роспром», он уходит во внутрироссийские структуры ЮКОСа, которые покидает в 1999 году, чтобы сосредоточиться на работе в иностранных организациях. А чуть ранее, в 1997 году, давая интервью журналу «Эксперт» (№ 48 от 15 декабря), Ходорковский относит Лебедева к числу нескольких человек, решающих все существенные вопросы в ЮКОСе, и определяет его как финансового директора группы. К моменту задержания 2 июля 2003 года Платон Лебедев – директор крупной инвестиционной холдинговой компании Group Menatep Ltd. (Гибралтар), председатель совета директоров российского ЗАО «Международное финансовое объединение “Менатеп”», а также председатель совета директоров банков «Траст» и «Менатеп Санкт-Петербург».

Наверное, лучше всего о качестве и значимости работы Платона Лебедева могут сказать его коллеги и единомышленники по Консультативному совету Group Menatep Ltd.: **Фриц Болкештайн** – бывший член Европейской комиссии по внутреннему рынку, бывший министр обороны Нидерландов, бывший министр внешней торговли Нидерландов; **Стюарт Айзенштат** – бывший посол США в ЕС, бывший заместитель министра торговли США по внешней торговле, бывший заместитель государственного секретаря США по экономическим вопросам, бизнесу и вопросам сельского хозяйства и бывший заместитель министра финансов США; **Дадли Фишборн** – бывший член британского парламента от Кенсингтона и Челси, бывший ответственный редактор журнала *Economist*; **Марджери Краус** – ответственный руководитель компании APCO Worldwide; д-р **Отто Граф Ламбсдорф** – бывший министр экономики ФРГ, бывший член бундестага. Их письма защита и на первом, и на втором процессе представляла суду как одну из наиболее полных и убедительных характеристик личности П. Лебедева, данных весьма авторитетными во всем мире людьми. В документе, в частности, сказано: «Е-н Лебедев являлся ключевой фигурой российского постсоветского переходного периода, когда вся экономическая система в России, как представляется, находилась в состоянии почти полного беспорядка. Вместе со своими партнерами, включая Михаила Ходорковского, он создал предприятия, которые были конкурентоспособными не только в России, но и на мировых рынках... Консультативному совету посчастливилось лично работать с Платоном Лебедевым. Внесенный им вклад в рост российской экономики нельзя недооценивать. Е-н Лебедев не покладая рук трудился для успеха российской экономики, всегда помня о неразрывной связи его собственного успеха и успеха его страны. Вплоть до его ареста работа г-на Лебедева прямо способствовала росту конкурентоспособности России в мировой экономике».

---

⁷ Сиксмит М. Путин и дело ЮКОСа. Борьба за российскую нефть. СПб., 2011. С. 26.

Интересны отзывы о Платоне Лебедеве бывших сослуживцев. Они рассказывают о его требовательности, жесткости, бескомпромиссности, своеобразной манере общения. Деловые партнеры отмечают способность находить выход из кажущегося тупика; те, кто противостоял в конфликтных ситуациях, говорят о непоколебимой позиции и резких высказываниях в свой адрес. К примеру, в материалах второго уголовного дела есть показания свидетеля, рассказавшего о своем визите в офис к Лебедеву в качестве представителя банка-кредитора после дефолта 1998 года. Как следует из протокола и что подтвердил мне потом сам Лебедев, визитер настаивал на первоочередном удовлетворении его претензий к находящемуся в тяжелом финансовом положении банку «Менатеп», аргументируя тем, что представляемая им банковская организация-кредитор являлась «дочкой» Центрального банка РФ. Однако позиция Лебедева была непреклонной: готовящиеся предложения по реструктуризации задолженности «Менатеп» будут для всех кредиторов одинаковыми, никаких преимуществ ни для кого не предусмотрено. По итогам данной беседы свидетель рассказал следователю, что «встреча представляла собой конфликтную ситуацию и перепалку». По его словам, Лебедев вел себя высокомерно, говорил в развязной манере. Гостя также возмутило, что хозяин кабинета был, по его мнению, небрежно одет, а именно – в белый свитер.

Что еще отмечают едва ли не все бывшие коллеги Лебедева, так это его любовь к вербальным вариациям родного языка в той части, которая дипломатично именуется непарламентскими выражениями. Одни в указанной связи просто называют его отъявленным матерщинником, другие говорят об этом более витиевато. Так, экс-руководитель правового управления ОАО «НК «ЮКОС»» Дмитрий Гололобов поделился как-то по случаю в Интернете воспоминаниями о том, что совещания с участием Лебедева проходили в живой, интерактивной форме. При этом он констатировал, что сей «великий знаток и продвинутый пользователь живого великорусского языка» активно применял его для «сподвижения офисного планктона и подчиненных менеджеров на различные трудовые подвиги».

Авторству Лебедева принадлежит и запуск в серию среди своих коллег некоторой своеобразной русифицированной бизнес-терминологии. Так, аналоги известных в западной практике компаний специального назначения (*special purpose entity*, или SPE)⁸ получили у него название «живопырок». «Термин “живопырка”» я впервые услышал от Лебедева, и впоследствии это так вошло в оборот, что этим термином стали пользоваться все» (*из показаний на следствии сослуживца П. Лебедева*). Для обозначения отдельных видов ценных бумаг им применялись «фантики» и «бантики».

И вот, по воле властей человек, признанный «ключевой фигурой» современной российской экономики, сподвижник Михаила Ходорковского, оказался в СИЗО ФСБ «Лефортово», где и произошло наше первое знакомство, продлившееся годы.

Что хотелось бы отметить в первую очередь? Безусловно, глубокие познания Платона Лебедева в области финансов, бухгалтерского учета, корпоративной практики, специфики нефтедобычи и особенностей рынка нефти и нефтепродуктов. Эти совокупные знания, с одной стороны, очень помогали защите разобраться в нагромождениях выдвинутых против Ходорковского и Лебедева обвинений, а с другой – были причиной бурных негодований последнего теми невежественными утверждениями, которыми активно оперировали следователи и прокуроры.

Кроме того, попав в столь неприятное положение, и Михаил Ходорковский, и Платон Лебедев были вынуждены углубить и без того ранее имевшуюся у каждого из них неплохую правовую подготовку и направить ее преимущественно в сторону правовых дис-

---

⁸ Юридическое лицо, созданное в соответствии с законом для выполнения узконаправленных, специальных или временных целей. Обычно используются холдингами или группами компаний для того, чтобы обезопасить себя от финансового риска. В делах против сотрудников ЮКОСа на компании специального назначения клеились ярлыки подставных и фиктивных организаций.

циплин криминального цикла. Обладающий великолепной памятью, Лебедев легко освоил лабиринты Уголовно-процессуального кодекса, нужные для дела нюансы уголовного права, и весьма легко оперировал разъяснениями Верховного суда РФ, Конституционного суда РФ и ЕСПЧ по тем проблемам, с которыми нам пришлось столкнуться. В результате порой наши обсуждения проектов процессуальных документов скорее походили на научно-теоретический семинар, где подзащитный имел очень весомые основания обращаться к своим доверенным лицам, говоря «коллеги».

Кстати, именно с одним из подобных диспутов, происходивших в кабинете СИЗО, связан случай, когда я был поражен феноменальной памятью Лебедева. Мы сочли, что к одному из ходатайств, планируемых к заявлению на следствии, необходимо приложить нормативный акт и при этом хоть как-то заверить правильность текста. Сошлись на том, что заверение сделает секретарь из моей адвокатской коллегии. И в следующий раз я принес на встречу в изолятор прошитый и скрепленный печатью документ, где на последней странице стояло: «копия верна» и подпись с расшифровкой женской фамилии. Мы обсудили проект ходатайства, Лебедев краем глаза взглянул на приложение и попросил пока немного повременить. А где-то через полтора-два месяца в разговоре, состоявшемся в том же СИЗО, он попросил в следующий раз прихватить с собой нормативный акт. «Какой?» – спросил я Лебедева. «Тот, – ответил он, – который заверен...», и абсолютно точно назвал фамилию секретаря. Изумлению моему не было предела.

Такую же, за редким исключением, точность он демонстрировал применительно к расположению документов в материалах дела, датам учреждения коммерческих организаций, цифровым показателям объемов нефти, размерам фигурировавших в уголовных делах денежных средств, не говоря уже о собственных записях, расположенных по одному ему ведомому принципу в многочисленных тетрадах. Уже совсем недавно, проглядывая принесенный ему проект документа, Лебедев усомнился в указанной там дате регистрации компании, фигурировавшей в материалах первого дела. Сверка показала, что действительно год записан неверно, в связи с чем были внесены исправления.

Так что я, поначалу в случае сомнений споривший с Лебедевым о местонахождении того или иного документа или нужной нам для работы цифры и попадавший порой впросак, потом просто взял за правило не торопиться с утверждениями и проверять первоисточник, дабы избежать ошибки.

Кстати, о стремлении избежать ошибок. Еще одной отличительной чертой Лебедева является исключительный педантизм. Правда, этот термин, на мой взгляд, не в полном объеме отражает существо данного феномена. Я не раз употреблял иное выражение – «крючоквор в хорошем смысле слова». Суть заключается в том, что в любом тексте – будь то газетная статья, аналитическая записка или процессуальный документ – Лебедев умудряется усмотреть возможную или действительную двусмысленность, неточность, повод для упреков в некорректности изложения и поэтому требует устранения такого рода закавык и сам старается их избегать. Это в одних случаях касается устоявшихся бизнес-терминов, полноты названий иностранных и отечественных компаний, точности переводов документов, в других – сложных стилистических оборотов, изложения правовых конструкций своими словами, избранных цитат, округления цифровых показателей. Должен признать, что такой подход имеет право на существование, особенно при наличии уголовных дел, где порой в важных процессуальных документах обезличенно указывается, например, на «сотрудников ЮКОСа», хотя известно о существовании ОАО «НК «ЮКОС»», ЗАО «ЮКОС-РМ», ООО «ЮКОС-Москва», ООО «ЮКОС Экспорт Трейд», ЗАО «ЮКОС-Инвест», ЗАО «ЮКОС-М», ООО «ЮКОС Восток Трейд». То же наблюдается и с названием «Менатеп» – банк «Менатеп», МФО «Менатеп», «Групп Менатеп» (Group Menatеп Ltd.), «Менатеп С.А.» (Menatеп S.A.) и т. д.

По отношению к своим процессуальным противникам Платон Лебедев вел себя обычно весьма агрессивно. Он презирал их за глупые, бездарные обвинения, дилетантские инсинуации, извращенную логику, попрание закона, систематические и грубые фальсификации доказательств, давление на свидетелей, репрессии в отношении тех, кого назначили обвиняемыми. Особо жестко и уничижительно Лебедев отзывался о тех, кто, по его мнению, являлся авторами обвинений или создателями «доказательственной» базы. Вот примеры только из одного сделанного им в Хамовническом суде в самом начале процесса заявления: глубоко презираемые члены преступной группы – «подставные прокуроры» Лахтин и Шохин; «липовые» потерпевшие и гражданские истцы; шизофреническое обвинение нагло сфальсифицировано; сфабрикованное уголовное дело; взаимоисключающий абсурд; фальшивка, изобретенная преступной группой Бирюкова– Каримова и их соучастниками для легализации преступлений и злоупотреблений власти; уничтожена и разворована разной политической и уголовной шпаной лучшая нефтяная компания России.

Между тем тот же Лебедев веселил членов следственных групп их же собственными ляпами в делах, указывал на очевидные абсурдности и нестыковки, зачитывал фрагменты составленных им жалоб или ходатайств, как бы оттачивая слог и следя за реакцией слушателей из стана неприятеля. В судах он старался донести до присутствовавших, включая судей и прокуроров, свои доводы простым и ясным языком, иллюстрируя их примерами из жизни и документами из дела. Даже сложные вопросы бухгалтерского учета, банковских операций или внешнеэкономических сделок излагались весьма доступно.

Интересен в этой связи фрагмент заочного диалога, имевшего место с одним из читателей популярной газеты ближе к концу хамовнического процесса. Читатель: «Заметно столь сильное терминологическое и понятийное различие со следователями, прокурорами и судьей – как его устранить? Это как разговор академика и крестьянина – они говорят на разных языках, обвинение составлено, как компьютерный синтезатор, из кусочков неосмысленных фраз». Лебедев: «“Понятийный” (в прямом и переносном смысле) аппарат наших оппонентов (следователей, прокуроров) достаточно примитивен, но с определенными элементами скорее жлобской хитрости, чем ума... Может быть, в некоторых случаях я вынужден использовать лексику, мне не свойственную, но ту, которая, как я полагаю, при ее использовании помогает лучше уяснить смысл. Это очень непросто объяснить человеку, который в “деле” нашел “подписи Карла Маркса” (это я про “очаровашку” Лахтина), то, что он не только не может, но и даже не хочет понимать (или, скорее, наоборот)».

Безусловно, любопытен и показателен взгляд на Платона Лебедева со стороны, с мест, занятых в зале суда публикой. «Лебедев своенравен. Сидит в “аквариуме”, положив ногу на ногу. Абсолютно свободен. Раскрепощен. Жует жвачку». А здесь уже прорывается чисто женское: «Взгляд орлиный. Чертовски обаятелен. “Орел, в общем”, – вздыхают поклонницы всех возрастов... Лебедева обожают. Мужчины любят его за четкость мысли, хулиганистый слог, женщины – за все, вместе взятое»⁹.

На судебных процессах Михаил Ходорковский и Платон Лебедев идеально дополняли друг друга и по характеру, и по тематике тех сегментов защиты, которые распределили между собой. Взрывной, безапелляционный и резкий Лебедев контрастировал с мягким, интеллигентным, обычно спокойным Ходорковским. И именно это разнообразие позволяло наиболее убедительно и наглядно преподнести слушателям ту непростую позицию из смеси специфики нефтедобычи, финансовой составляющей, а также гражданского и уголовного права. Это безоговорочно свидетельствовало об отсутствии вообще каких-либо криминальных событий и полной невинности наших подзащитных.

---

⁹ Челищева В. Заключение № 1. Несломленный Ходорковский. М., 2011. С. 271–272.

Как проходила работа Платона Лебедева с адвокатами? Сначала каждому из них предстояло освоить его манеру изложения мыслей и предложений, подразумевающую знание собеседником всей структуры ЮКОСа, истории и показателей работы банка «Менатеп», особенностей корпоративного права и практики, а также принципов и сути финансовой отчетности компаний по отечественным РСБУ и американским US GAAP. Поверхностное знание адвокатами-криминалистами таких «банальностей» не радовало поначалу доверителя, но потом он с этим смирился, не без видимого удовольствия читая нам лекции по отмеченным небезынтересным вопросам, что со временем давало свой положительный результат.

Другая проблема общения в условиях несвободы состояла в том, что Лебедев вынужден был пользоваться эзоповым языком, что приводило порой к недопониманию. Впрочем, это нивелировалось за счет работы с проектами документов, которые мы порой неоднократно вместе переделывали, доводя каждую мысль до абсолютной согласованности между собой и наиболее оптимального изложения на бумаге.

Нас, адвокатов, Лебедев постоянно призывал к максимальной жесткости в выражениях, если речь шла об оценке стороной защиты действий противника. Из лексикона были убраны привычные «не доказано», «не вполне обоснованно», «не соответствует закону» и прочий словесный либерализм. На смену им пришли «фальсификация доказательств», «должностной подлог», «умышленное преступление», «ОПГ – организованная прокурорская группа». Причем, естественно, писали мы это совершенно искренне, а не потому, что Лебедев оказывал какое-то давление. И, по договоренности, если какой-то тезис или вопиющий факт явно требовал выражений «на грани фола», то его вставляли в уста (в текст) подзащитного. Хотя и на нашу долю приходилось много всяких резкостей, от которых в суде либо как ошпаренные вскакивали прокуроры, либо неодобрительно смотрели судьи, порой перебивая, делая предупреждения и требуя более гладких выражений.

Несмотря на то что в манере общения Платона Лебедева иногда проскакивали авторитарные черты, никак нельзя сказать, что его невозможно было переубедить. Чаще всего он выслушивал контраргументы и говорил: смотрите сами. Вспоминаю, как однажды кто-то из коллег вернулся из СИЗО с встречи с Лебедевым несколько ошарашенным от его предложения готовить некое исковое заявление. Этот шаг был заведомо проигрышным по ряду причин, и не только потому, что суды к нам, мягко говоря, не благоволит. Взвесив все «за» (их почти не было) и «против», мы с коллегами пришли к клиенту, и первое, что я сказал, было: «Платон Леонидович, мы в суд не пойдем». Он удивился, потом выслушал и от этой идеи отказался.

Сказанное выше о склонности Лебедева в лучшие времена к специфическим формам общения вовсе не означает, что именно так протекали разговоры с адвокатами на правовые и прочие сопутствующие темы. Непарламентские выражения действительно проскальзывали порой у обоих собеседников (вторым честно обозначаю себя), но исключительно при оценке очередных «заворотов» процессуального противника, и не чаще, чем это позволяет себе среднестатистический российский мужчина.

В остальном Платон Лебедев был, как правило, корректен, хотя порой высказывал свое неудовольствие в, скажем так, вольной форме. Иногда в ответ на свои предложения кто-то из защитников мог услышать: вы говорите ерунду. Обычно дальнейшее разбирательство вопроса приводило либо к тому, что сглаживались острые углы проблемы или, как любит говорить сам Лебедев, минимизировались риски, либо выяснялось, что он не до конца понял или выслушал приводимые аргументы. Кстати, по моим наблюдениям, и с другими людьми, будь то в следственном изоляторе, в колонии или при доставке в суд, Лебедев был всегда обходителен. Неслучайно в его характеристике, составленной руководством СИЗО «Мат-

росская Тишина» в мае 2011 года, особо отмечалось: «По отношению к сотрудникам учреждения – подчеркнуто вежлив».

Еще в нем очень был интересен нестандартный взгляд на некоторые правовые вопросы, к которым мы, практикующие юристы, привыкли, и поэтому, как говорится, глаз замылился. Я и ранее обращал внимание, что от представителей иных профессий, по той или иной причине погружающихся в юриспруденцию, можно ждать весьма любопытных идей и наблюдений. Что касается Лебедева, то признаюсь, что отдельные его мысли мне показались поначалу отчасти наивными, иные предложения – бесперспективными. Сейчас, оглядываясь назад, я вижу, что некоторые из них на сегодняшний день реализованы в законодательстве, другие, оформленные как доводы в жалобе в ЕСПЧ, были восприняты и оценены судом вполне серьезно.

Но чтобы не создалось образа суперидеального человека, скажу и о возникавших сложностях. Нередко Лебедев, обнаруживая при изучении дела какой-то следственный «ляп», первым сообщал о нем следователям, а затем только делился с защитниками, тем самым отчасти обезоруживая нашу сторону. На мои недоуменные вопросы он совершенно искренне отвечал: но это же правда!

Порой он намеревался очень жестко себя вести при допросе в суде свидетеля из числа тех, кто, по его мнению (а также и исходя из материалов дела), давал неискренние показания. Приходилось прикладывать немало усилий, чтобы убедить Лебедева быть осмотрительнее, поскольку защита прекрасно понимала, что нашим оппонентам сойдет за доказательственный довод любой негатив, сказанный о подсудимых в пылу горячности. Поэтому таких конфликтных ситуаций хотелось бы избежать.

Проявления бойцовского характера, устремленного на то, чтобы рвать процессуального противника, «как Тузик грелку» (выражение из арсенала Лебедева), порой не проходили бесследно для его обладателя. По некоторым сведениям, в рамках второго дела объем запланированного к предъявлению обвинения у Лебедева изначально отличался в меньшую сторону от обвинения Ходорковского. Но уже будучи в статусе подозреваемого, он направил в Генеральную прокуратуру РФ документ, где назвал руководителя следственной группы «использованным презервативом». В итоге эпизод, связанный с событиями, к которым Лебедев не имел на самом деле никакого отношения, оказался в его обвинении, и оно по объему сравнялось с обвинением Ходорковского.

Об удивительной стойкости и мужестве этого человека безоговорочно свидетельствуют обстоятельства ознакомления Лебедева с постановлением о привлечении его в качестве обвиняемого по второму уголовному делу. Происходило это в здании прокуратуры Читинской области в феврале 2007 года. Лебедев, мельком взглянув на переданную ему следователем пачку бумаги с длинным текстом, отдал ее нам, адвокатам. Занявшее некоторое время прочтение постановления привело нас в ужас. Помимо абсурдности основного обвинения – украл на пару с Ходорковским всю нефть ЮКОСа – всех шокировал и оперативно просчитанный максимально возможный для данной ситуации срок наказания – 22,5 года лишения свободы. Но при этом, увидев написанную у нас на лицах гамму отнюдь не радостных чувств и прекрасно уже в тот момент понимая, что добром очередной виток уголовной репрессии не завершится, Лебедев сказал нам следующее (передаю по памяти суть сказанного): «В чем дело, господа адвокаты, почему уныние? Выше голову, расправьте плечи и в бой. Если кому-то нужен отдых – скажите. И сейчас же засучиваем рукава и вступаем в сражение».

Воистину поразительно: в такой ситуации, казалось бы, это мы должны его утешать и взбадривать. А произошло совсем наоборот.

И еще один весьма существенный штрих к портрету Платона Лебедева. Он, конечно, отлично понимал, что мы боремся с намного превосходящими силами противника, к тому же

применяющего богатый арсенал противозаконных методов. Шансов победить такого монстра, подмявшего под себя судебную систему, не имеется, да и оказывать ему достойное сопротивление тоже весьма сложно. Поэтому Лебедев так ставил перед своими адвокатами задачу: фиксировать все, даже малейшие нарушения закона, и придавать их гласности способами, доступными представителям защиты. «Я хочу, – говорил он, – чтобы на основании этих доказательств либо при моей жизни, либо после я был реабилитирован, и об этом знали бы мои дети и внуки».

Разве может такой человек не вызывать искреннего и глубокого уважения?

Глава II Адвокатские будни

§ 1. О команде защитников

По большим уголовным делам обычно приглашается несколько адвокатов. Бригадный метод позволяет правильно распределять силы и, как правило, заниматься включенными в обвинение эпизодами именно тем защитникам, кто уже обладает определенным опытом работы с той или иной категорией дел. Так, например, сам я к моменту начала уголовного преследования Михаила Ходорковского и Платона Лебедева имел за плечами с десяток успешно проведенных налоговых дел, и поэтому взялся за защиту от обвинений по статьям 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с организаций) и 198 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с физических лиц). По тому же принципу, например, в связи с очевидной необходимостью обращения в Европейский суд по правам человека в число защитников были приглашены такие признанные авторитеты в данной области, как Каринна Москаленко и Елена Липцер. Соответственно, у каждого из наших доверителей уже на начальной стадии предварительного расследования были сформированы команды защитников, которые с активизацией второго уголовного дела по объективным причинам претерпели некоторые изменения.

Следует отметить, что в силу правового статуса у адвоката нет начальников, не случайно федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» определяет его как независимого профессионального советника по правовым вопросам. Однако очевидно, что в группе специалистов своего дела, про которых порой с долей юмора, но не без оснований говорят «два юриста – три мнения», должен быть тот, кто по согласованию с клиентом станет выполнять роль неофициального руководителя. Таких адвокатов принято называть координаторами. Они распределяют между членами своих команд текущие обязанности, корректируют проекты подготовленных другими процессуальных документов, как правило, представляют команду в общении с прессой, озвучивают позицию подзащитных, а также решают иные организационные и методические вопросы.

Кто же входил в число адвокатов, работавших по делам Михаила Ходорковского и Платона Лебедева на следствии и в судах?

Координатором команды защитников Ходорковского на первом процессе был **Генрих Падва**. Это один из самых известных в нашей стране адвокатов, имеющий многолетний стаж работы по адвокатской специальности. Неудивительно поэтому, что Михаил Борисович счел нужным обратиться именно к нему. Вот как описывает это сам Падва:

«Через какое-то время после ареста Ходорковского ко мне пришел один из его адвокатов с предложением присоединиться к команде защиты. Вначале я категорически отказывался, главным образом потому, что понимал предрешенность результата. Всем была хорошо известна политическая подоплека этого дела. Участвовать в спектакле, финал которого предсказуем, у меня не было ни малейшего желания. Однако ко мне обращались вновь и вновь.

И тогда я принял решение пойти к Михаилу Борисовичу в следственный изолятор, поговорить с ним и понять, какие задачи он хочет поставить передо мной, надеется ли он с моей помощью и с помощью моих коллег доказать свою полную невиновность и готов ли он к негативному исходу.

Я хорошо помню, что сказал Михаилу Борисовичу при первой встрече:

– Понимаете ли вы, что ни я, ни все лучшие адвокаты страны, ни вся адвокатура в целом не смогут вам помочь сейчас, когда конфликт между вами и властью зашел так далеко? А если вы это понимаете, то объясните, для чего я вам нужен?

И Ходорковский, не задумываясь, ответил, что он прекрасно понимает, какой исход, скорее всего, ожидает обвиняемых. Но при этом ему важно, чтобы общество услышало правду из уст уважаемого профессионала и чтобы все фактические и юридические доводы в его защиту были высказаны и услышаны, а там уж... чем черт не шутит... На этих условиях я согласился принять его защиту»¹⁰.

Помимо процесса в Мещанском суде Генрих Павлович участвовал в кассационном заседании Московского городского суда по первому делу Ходорковского и Лебедева, а также работал над надзорными жалобами, последняя из которых была направлена в Судебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РФ в середине 2006 года.

Состояние здоровья не позволило ему включиться в защиту по второму делу, поскольку это было связано с регулярными шестичасовыми перелетами в Читу, где проводились следственные действия. Во время процесса в Хамовническом суде Москвы он в самом начале приходил туда и с разрешения председательствующего встречался с Ходорковским. Внимательно следил затем за ходом событий, давал интервью в СМИ, выступал на телевидении.

Одним из весьма авторитетных и уважаемых защитников Ходорковского был и остается питерский адвокат **Юрий Шмидт**. В адвокатуре он с 1960 года, с конца 1980-х годов участвовал во многих «резонансных» уголовных процессах, имеющих общественную значимость, а зачастую еще и политическую обусловленность. В 1991 году создал Российский комитет адвокатов в защиту прав человека. Шмидт активно занимается правозащитной деятельностью, за что неоднократно награждался. Так, в 1997 году получил высшую юридическую премию России «Фемида» и титул «Адвокат года», в 1999 году был удостоен премии Международной Лиги прав человека, в 2000 году Международная Хельсинкская федерация присудила ему впервые учрежденную Награду признания.

В феврале 2012 года Юрию Шмидту за многолетнюю практическую работу по продвижению верховенства закона и независимой судебной системы, а также международное признание его как правозащитника был вручен Командорский крест ордена «За заслуги перед Федеративной Республикой Германия». Когда по этому поводу он давал интервью немецкой *Deutsche Welle* (3 февраля 2012 г.), ему был задан вопрос о том, не обидно ли, что в России его обошли государственными наградами. Всегда предельно откровенный в своих высказываниях, Шмидт ответил: «Во-первых, в российском правительстве нет человека, которому пришла бы в голову мысль наградить меня. А во-вторых, от этого правительства я не согласился бы получить в награду ничего, даже конфетный фантик».

Нам, своим коллегам, Юрий Шмидт рассказывал, что, когда появилось на свет «дело ЮКОСа» и методы расправы с компанией и ее руководителями не оставили сомнений в неправовой мотивации задействования мощнейших сил уголовной юстиции, он сразу понял, что его место в рядах доверенных лиц Михаила Ходорковского. Получилось так, что если на первом процессе ему досталась защита по налоговому обвинению по ст. 198 УК РФ, то по второму делу Шмидт развернулся в полный рост на ниве правозащитной деятельности, успешно вычлняя из обильной фактуры убедительные свидетельства наличия политической основы преследования наших подзащитных.

Прошедший, как говорится, огонь, воду и медные трубы, Юрий Маркович не особенно стеснялся в выражениях, когда начинал говорить о том, как ведут себя власти по отношению к ЮКОСу, его сотрудникам и основным акционерам. И, надо признать, его возраст и

---

¹⁰ Падва Г. Указ. соч. С. 270–271.

опыт были тем тормозом, который, как правило, задерживал на какое-то время негодующую реакцию судейских деятелей на выслушиваемые нелицеприятные откровения.

В первом процессе координатором команды Платона Лебедева был **Евгений Бару** – известный московский адвокат с без малого сорокалетним стажем. Ему принадлежит заслуга подбора в успешно проработавшую свыше восьми лет группу единомышленников, каждый из которых отлично знал свое дело. Сам он, помимо руководства командой, сосредоточился на работе по подготовке материалов для Европейского суда и текста соответствующих жалоб, включая медицинскую часть проблемы, связанную с неудовлетворительным состоянием здоровья Лебедева и качеством оказываемой ему в условиях СИЗО врачебной помощи.

Координатором команды Ходорковского на втором процессе был, и остается на момент написания этих строк, **Вадим Клювгант** – человек с очень интересной биографией. Он окончил с отличием широко известное среди юристов своей сильной школой учебное заведение – Свердловский юридический институт, после чего более десяти лет работал следователем в милиции. В 1990 году был избран народным депутатом РФ, являлся членом Верховного Совета РФ, секретарем Комитета Верховного Совета по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью, был членом Конституционной комиссии, разрабатывавшей проект ныне действующей российской Конституции. Кроме того, в его послужном списке работа главой администрации города Магнитогорска, директором по внутрикорпоративным вопросам, старшим вице-президентом нефтяной компании «СИДАНКО», вице-президентом ОАО «Тюменская нефтяная компания». Обладая и успешно используя весьма объемный багаж знаний и опыта как в области уголовного материального и процессуального права, так и в цивилистике, имеет еще и ученую степень кандидата исторических наук.

Наверное, нет ни одного документа, родившегося в недрах возглавляемой им команды и не прошедшего через его руки. Учитывая опыт и знания Вадима Клювганта, Михаил Ходорковский считал необходимым обсуждать с ним и те свои мысли, идеи и предложения, которые затем читатели видели на страницах газет, журналов и книг. Вероятно, это как раз тот случай, когда отношения клиента и доверителя, зарождавшиеся на почве оказания прежде всего правовой помощи, перерастают во что-то большее, порой даже более значимое.

Выше я уже упоминал **Каринну Москаленко**. Вряд ли кто-то в юридическом мире не слышал имени человека, первым в Российской Федерации еще в 2001 году одержавшего в качестве российского адвоката победу в Европейском суде по правам человека. С тех пор она занимается представлением интересов тех, у кого возникает потребность искать защиты у этого авторитетного наднационального судебного органа. Выигрыш по обращению Михаила Ходорковского в ЕСПЧ – в значительной степени заслуга Карпины Москаленко.

Она не так часто появлялась в судебных процессах, но мне всегда доставляло истинное удовольствие слушать ее выступления. Это смесь жгучих эмоций, неопровергаемой убедительности и глубокого знания прецедентной практики Европейского суда. Я думаю, что, если бы Карпина Акоповна специализировалась на делах, рассматриваемых в судах присяжных, процент оправдательных приговоров в нашей стране значительно вырос.

Ее достоинства безусловно признают и процессуальные противники. Уже в самом начале судебного процесса в Мещанском суде прокурор Дмитрий Шохин сделал признание: «После яркого и красочного выступления Карпины Акоповны нельзя к ней не относиться с уважением».

В первом деле в команду Лебедева входил адвокат **Тимофей Гриднев**. Выходец из военной юстиции, давшей современной российской адвокатуре много известных имен, он имел к тому времени уже солидный опыт работы по делам экономической направленности. Ему достались в нашем деле эпизоды, определявшиеся стороной обвинения как обманное завладение акциями ОАО «Апатит» и ОАО «НИУИФ». Он отработал их весьма добросовестно, но мне запомнился другим.

Где-то уже после завершения судебного разбирательства в Мещанском суде местные судейские деятели начали чинить защитникам всяческие препятствия в нормальном ознакомлении с протоколом судебного заседания и приобщенными к нему материалами, поскольку сильно желали наискорейшей передачи дела в Мосгорсуд на кассацию. В этой связи по какому-то касающемуся данной проблемы вопросу мы с Еридневым пришли в кабинет к исполнявшему обязанности председателя судье, и тот заявил нам об отказе в удовлетворении нашего обращения.

Я в первый и, может быть, в последний раз в своей жизни видел, как адвокат орал на судью, да еще так, что в кабинете звенели стекла. Тимофей Владимирович дал волю своему выработанному в военном институте командному голосу, да еще столь мастерски и убедительно по сути, что никаких контрдоводов не последовало, а сама эта шумная сцена не имела затем для него никаких негативных последствий.

К числу людей с интересной биографией относится и **Владимир Краснов**. За его плечами партийная и комсомольская работа в советское время, служба на дипломатическом поприще, переход в коммерческие структуры и, наконец, адвокатура. Ему по поручению Платона Лебедева пришлось участвовать в значительном числе «побочных» судебных разбирательств (обращение в Конституционный суд, опровержение появлявшихся время от времени в прессе недостоверных сведений и др.), хотя в обоих основных процессах он занимался конкретными эпизодами, связанными с обвинениями в хищениях. Не знаю, можно ли это напрямую поставить в заслугу Владимиру Николаевичу, но так в конце концов получилось, что по итогам первого процесса в Мещанском суде кассационная инстанция переквалифицировала эпизод, которым он занимался, на более мягкую статью – 165 УК (Причинение имущественного ущерба собственнику при отсутствии признаков хищения) с последующим прекращением производства по делу в этой части в связи с истечением срока давности. А во втором случае уже сам Хамовнический суд прекратил уголовное преследование по тому же основанию по обвинению в хищении акций дочерних предприятий ОАО «ВНК», как и искусственно присовокупленную к нему «легализацию». Пожалуй, такой результативности более ни у кого из нас не было.

В той же команде Платона Лебедева трудится до настоящего времени **Елена Липцер** – специалист по делам ЕСПЧ. Это ее основная специализация, хотя за хрупкими женскими плечами еще и абсолютный выигрыш (совместно с адвокатом Еленой Львовой) в Конституционном суде РФ по обращению в интересах Лебедева за широко теперь известным юристам разъяснением о неконституционности содержания под стражей арестованных лиц в отсутствие судебного акта. В той же связи необходимо назвать решение ЕСПЧ, безоговорочно признавшее фундаментальные нарушения при заключении Лебедева под стражу и ее продлениях. Она же, выступая в Верховном суде РФ, убедила судебную коллегия отменить как незаконные все судебные акты, вынесенные Хамовническим судом и одобренные Мосгорсудом, включая его президиум, о продлении Лебедеву срока содержания под стражей после внесения в апреле 2010 года в УПК РФ поправок, запрещающих арестовывать по обвинениям, связанным с предпринимательской деятельностью. А уж наличием в своем послужном списке частного определения, вынесенного в той же связи Верховным судом РФ в сентябре 2011 года в адрес председателя Московского городского суда Ольги Егоровой, вообще вряд ли кто-то может похвастаться.

Не удивительно поэтому, что Елена Липцер, как и Карпина Москаленко, в январе 2012 года была совершенно заслуженно включена в рейтинг ста самых влиятельных женщин России!

Еще о двух адвокатах, включившихся в работу по второму уголовному делу, можно лишь с некоторой долей условности говорить как о хорошо спевшемся и высокоэффективном дуэте. Это питерцы **Борис Грузд** и **Леонид Сайкин**, которых привел за собой в команду

«ходорковцев» Юрий Шмидт. Я бы квалифицировал их как «специалистов глубокого бурения», поскольку погружение в порученную им тему всегда достигало таких размеров, что не только коллеги, но и клиенты пытались время от времени остановить неиссякаемый поток свежих мыслей, познаний, предложений, выдержек из научной литературы и документов, дабы не быть погребенными под этим необъятным массивом информации. В числе прочего применительно к Борису Ерузду следует назвать его несомненную заслугу в поиске и систематизации архивных документов ОАО «НК «ЮКОС»», демонстрация которых в Хамовническом суде позволила не только раскрыть механизм беспардонной распродажи активов нефтяной компании, но и вызвала глубокую амнезию у конкурсного управляющего.

Леонид Сайкин, работавший в режиме действующего резерва и появившийся в Хамовниках по мере необходимости, прекрасно отработал тему легализации по эпизоду хищения акций дочерних предприятий ОАО «ВНК». Он нашел и продемонстрировал суду в своем выступлении в прениях сторон многочисленные нестыковки и противоречия в позиции нашего противника, а также показав порочность самой сущности обвинения. Но, говоря о его профессиональных качествах, нельзя не сказать о некоторых «пробивных» способностях Леонида Ромуальдовича, успешно использующихся им в сочетании с разумной минимизацией пиетета к суду. Выглядело это примерно так. Нетерпеливый судья, прерывая речь адвоката, говорит: «Хватит, достаточно». На что Сайкин отвечает: «Нет, Ваша честь, я еще не все сказал, будьте любезны дослушать». В каких-то ситуациях это приводило к возмущению судьи и словесной перепалке, а где-то председательствующий сдавался и позволял защитнику закончить свою мысль и привести все нужные доводы.

Естественно, об этих «таранных» способностях знал и Ходорковский, чьи интересы представлял Сайкин. По этому поводу я вспоминаю показательный разговор в перерыве одного из судебных заседаний на тему предложения клиентов о проведении в ближайшее время по инициативе стороны защиты некоего процессуального действия. Мне и кому-то еще из постоянно присутствовавших на процессе адвокатов эта идея не сильно понравилась, поскольку и по сути, и по времени реализации она явно должна была встретить не только активное сопротивление прокуроров, но и судьи Виктора Данилкина. Увидев нашу реакцию, Ходорковский сказал примерно следующее: ну, если у вас есть какие-то опасения, то я сейчас приглашу Сайкина, и он скажет все, что нужно, невзирая на противодействие суда и прокуроров. Наверное, такие слова следует считать довольно высокой оценкой со стороны клиента.

Еще один адвокат с богатым юридическим прошлым – это **Алексей Мирошниченко**. После университета он работал следователем в подразделениях московского ГУВД, затем перешел в органы прокуратуры. Придя потом на службу в систему Министерства юстиции РФ, он занимал ответственную должность главного судебного пристава Москвы и имел звание государственного советника юстиции (генерала), а выйдя в отставку, трудился в одной из крупных нефтяных компаний. Именно такое сочетание богатого юридического опыта и знания специфики нефтяной отрасли явилось причиной того, что Мирошниченко после активизации расследования по второму уголовному делу был приглашен в команду Платона Лебедева, где и работает в настоящее время. Естественно, что он занимался анализом обвинения о хищении нефти у нефтедобывающих дочерних предприятий ЮКОСа.

В команде Ходорковского достаточно большую, но не всем и всегда заметную работу проводила адвокат **Елена Левина**. Это и систематизация материалов уголовных дел, архивация процессуальных документов, и многочисленные выезды в командировки в места нахождения Михаила Ходорковского (Краснокаменск, Чита, Сегежа), и организация работы помощников адвокатов. Ей, одной из широкого круга своих коллег, Генрих Падва посвятил несколько добрых строк в своей автобиографической книге. Там, в частности, в связи с работой по первому делу, было сказано: «...В этом процессе со мной вместе работала моя мно-

голетняя бесценная помощница и сподвижница адвокат Елена Левина». Совершенно заслуженная похвала, поскольку Левина отдавалась интересам дела самоотверженно, вся целиком, и применительно к ней это не преувеличение.

На процессе в Мещанском суде рабочее место Елены Леонидовны, вооруженной компьютером, содержащим в электронном виде все материалы по делу, находилось прямо перед металлической клеткой, где располагались наши подзащитные. И когда требовалось быстро найти какой-либо документ, чтобы, например, использовать его для постановки вопросов перед выступающим в данный момент свидетелем или возражений на ходатайства прокуроров, Ходорковский или Лебедев обращались к Левиной с соответствующей просьбой. И она с этим обычно виртуозно справлялась. Но все дело в том, что эта просьба нередко выражалась высоким (и, понятно, длинноруким) Лебедевым посредством вытягивания указательного пальца (иногда карандаша) сквозь прутья решетки с последующим постукиванием по спине защитницы, что, надо думать, добавляло ей дополнительные эмоции от участия в процессе.

В один из перерывов Елена Левина подошла ко мне и спросила, не желает ли кто-либо из нашей команды адвокатов Лебедева сесть рядом с ней и предоставить свою спину в качестве средства коммуникации. Я вежливо ответил отказом, будучи совершенно искренне убежденным, что лучше нее никто не справится с такой ответственной работой по быстрому поиску документов и это когда-нибудь будет достойно вознаграждено. Полагаю, настоящие воспоминания и станут такой наградой.

Наталья Терехова присоединилась к команде защитников Ходорковского в период пребывания его в колонии Краснокаменска, поскольку в то время жила и практиковала в забайкальских краях. Она является непревзойденным мастером оспаривания взысканий, на придумывание которых бывает столь щедро колониальная администрация. Благодаря ей были признаны незаконными не только все взыскания, щедро осыпанные на Михаила Ходорковского в Краснокаменске, но и одно из взысканий, спешно объявленных после его прибытия в карельскую колонию в Сегеже для отбывания наказания, назначенного Хамовническим судом г. Москвы.

Занимаясь в ходе второго процесса преимущественно выявлением фактов процессуальных нарушений, допущенных органами предварительного следствия, Наталья Юрьевна подготовила около 60 мотивированных ходатайств, заявленных затем Хамовническому суду.

Денис Дятлев, успешно работая в команде еще со времени возникновения первого обвинения, нечасто занимал место в ряду защитников в зале суда. Однако добываемые им документы обладали для нас уникальной доказательственной значимостью. И если бы сначала Мещанский, а за ним Хамовнический суд были бы объективны и непредвзяты, лишь несколько полученных Денисом Михайловичем справок могли бы привести к вынесению совершенно законных оправдательных приговоров.

Будучи хорошим знатоком налоговых правоотношений, Дятлев обстоятельно работал с привлекавшимися защитой специалистами в плане подбора и систематизации нужных материалов. Кроме того, он прекрасно освоил методику направления адвокатских запросов в государственные учреждения, суды и коммерческие структуры, которые буквально «доставал» своими многочисленными обращениями, перемежаемыми в случае необходимости с жалобами во все соответствующие инстанции. Именно такая целенаправленная, методичная и непрерывная работа приводила к положительным результатам, будь то грамотное заключение специалистов или истребование документа, содержащего важную для опровержения обвинений информацию. Как пример можно привести оправдание Михаила Ходорковского кассационной инстанцией по эпизоду с группой «Мост»: материалы, положенные в основу указанного судебного решения, были собраны Денисом Дятлевым.

Весьма высокую, хотя и опосредованную оценку коллеги я как-то услышал из уст самого Ходорковского. Он, предлагая найти в интересах решения одной из текущих задач человека с аналитическими способностями, сказал, что тот «должен быть таким же толковым, как Денис Дятлев».

В завершение, дабы никого не обидеть, скажу, что на разных этапах производства по делам в отношении Михаила Ходорковского и Платона Лебедева привлекались и другие адвокаты, которые также принесли большую помощь общему делу. Это известный московский адвокат **Елена Львова**, доктор юридических наук, профессор, член Общественной палаты РФ **Елена Лукьянова**, также имеющая статус адвоката. Подключавшийся к делу в качестве защитника Лебедева на предварительном слушании в

Мещанском суде вице-президент Федеральной палаты адвокатов **Геннадий Шаров**. Это читинские адвокаты **Семен Розенберг** и **Игорь Сапожков**, адвокатесса из города Вельск **Лариса Вазеркина**, **Игорь Михеев** – адвокат из Московской области. Выросший за время процессов из помощников адвоката в квалифицированного защитника **Сергей Купрейченко**. **Ольга Аргюхова**, подвергшаяся гонениям в связи с защитой Ходорковского и вынужденная поэтому на какое-то время уйти из адвокатуры.

§ 2. Секреты адвокатского закулисья

Естественно, что такое крупное бизнес-формирование, как ОАО «НК «ЮКОС»», не только имело в своей структуре правовое управление со штатом весьма квалифицированных юристов, но и по мере необходимости сотрудничало с авторитетными адвокатскими образованиями. Однако, когда у нефтяной компании в 2003 году начались неприятности, оказалось, что не так просто собрать подходящую группу специалистов в области права, кому бы предстояло выступить защитниками от уголовного преследования. Кто-то из адвокатов сразу понимал, что предстоит сражаться с мощной государственной машиной, и старался избежать проблем с малопредсказуемыми последствиями, иным о таких рисках было сказано открыто информированными людьми. Собравший весьма обильный фактологический материал и встречавшийся с большим количеством участников тех событий, Мартин Сиксмит в своей книге пишет: «Когда Антон Дрель попытался нанять группу адвокатов, чтобы те помогли ему вести сложное и явно долгое дело, то обнаружил, что получает отказы один за другим. Некоторые из них отказывались объяснить свое решение, другие же признавались в том, что получали звонки из Кремля»¹¹.

И все же ситуация не была совсем беспросветной. Постепенно вырисовывался состав группы адвокатов, готовых противостоять натиску Генеральной прокуратуры РФ.

Формирование адвокатских команд, естественно, подразумевало четкое распределение обязанностей. Костяк составляли так называемые предметники, разрабатывавшие отдельные эпизоды обвинения. Они занимались изучением свидетельских показаний, анализом приобщенной к делу документации, готовили и направляли адвокатские запросы в различные организации, привлекали специалистов, хорошо разбирающихся в тех областях знаний, которые были нужны для выработки позиций для защиты.

Поскольку обвинения у Михаила Ходорковского и Платона Лебедева мало чем отличались друг от друга (по первому делу исключение составляли личные налоги и инкриминированный Ходорковскому эпизод с группой «Мост»), защита, по сути, представляла единую команду, внутри которой мы стремились избегать дублирования в работе. По второму делу обвинения у Ходорковского и Лебедева практически не отличались друг от друга, и в этих условиях, да еще и с учетом ранее наработанного опыта, команда действовала еще более слаженно.

Процедурные тонкости. К каждому судебному заседанию определялись адвокаты, кому необходимо было в нем участвовать. Чаще других присутствовали в суде координаторы команд, а также защитники, выполнявшие вспомогательные функции по текущей работе с материалами уголовных дел, в использовании которых возникала необходимость в конкретный момент. Естественно, что «предметники» были задействованы в части судебного следствия, посвященной исследованию доказательств по их эпизоду. Этот же принцип реализовывался и при допросах приглашавшихся в суд свидетелей и специалистов со стороны защиты.

В Мещанском суде председательствующая судья Ирина Колесникова не начинала ни одно заседание, не выяснив у Ходорковского и Лебедева, согласны ли они в этот день на разбирательство при данной явке. Здесь следует пояснить, что Верховный суд РФ исходит из того, что при наличии у подсудимого нескольких адвокатов присутствие хотя бы одного из них по общему правилу свидетельствует о соблюдении права на защиту. Однако широко распространены случаи, когда по согласованию с клиентом защитники делят между собой

---

¹¹ Сиксмит М. Указ. соч. С. 166.

участки работы, и поэтому может возникнуть ситуация, что явившийся в суд адвокат столкнется с незапланированным процессуальным действием, не входящим по указанной причине в его сферу ответственности. Понятно, что судьи стараются этого избегать, дабы в последующем уйти от упреков в оставлении подсудимого без надлежащей защиты.

Обозначенный вопрос стал предметом отдельного рассмотрения в подготовительной части судебного заседания Мещанского суда, а именно 23 июня 2004 года. Ходорковский пояснил, что для его защиты непосредственно в суде достаточно двух адвокатов – Генриха Падвы и Елены Левиной. Все остальные адвокаты, заключившие соглашения, в соответствии с договоренностями осуществляют функции по подготовке материалов к защите, анализу уголовного дела и оказания доверителю юридической помощи по отдельным конкретным вопросам. Их присутствие в судебных заседаниях не является необходимым. Более того, оно препятствовало бы осуществлению ими возложенных на них обязанностей. Поэтому Ходорковский отказался от каждодневного присутствия в суде адвокатов, кроме вышепоименованных, оговорив, что они будут приглашаться только по мере необходимости. В заключение он сказал: «Такая организация защиты является для меня наиболее целесообразной и не только не ущемляет моих прав на защиту, а, напротив, способствует их наиболее полному осуществлению». Аналогичный подход осуществлялся и командой защитников Платона Лебедева.

И когда как минимум дважды по причине болезни Генрих Падва не смог прибыть в Мещанский суд, слушание дела откладывалось по ходатайствам защиты Михаила Ходорковского со ссылкой на ранее принятое решение о том, что Генрих Павлович является обязательным участником каждого заседания.

В Хамовническом суде таких оговорок не делалось, но однажды возникла ситуация, когда в ходе оглашения стороной обвинения протоколов допросов одного из свидетелей, после получения различных поручений от клиента, из зала один за другим удалились все адвокаты Ходорковского. Увлеченный оглашением документов, прокурор Шохин этого не заметил, но зато бдительность проявила его коллега Ибрагимов и обратила внимание председательствующего судьи Данилкина. Тот с явной неохотой прервал процесс, видимо не вполне довольный проявленной щепетильностью гособвинительницы, и через 1,5 часа тот возобновился после спешного приезда в суд одного из наших коллег.

Адвокатская диалектика. Возвращаясь к вопросу о взаимодействии внутри адвокатских команд, скажу, что мы, безусловно, были единомышленниками, но это, впрочем, не исключало жарких споров, а порой и конфликтных ситуаций. В адвокатской работе этого опасаться не следует, поскольку, как считают психологи, конфликт есть один из способов разрешения проблемы. Главное – чтобы он разрешался корректно и с пользой для общего дела.

Очевидно, что у каждого адвоката имеется свой, годами наработанный опыт, багаж теоретических знаний, свои взгляды на возможности использования новелл законодательства, у некоторых – еще и научные работы. Кстати, в этой связи следует отметить весьма высокий научный потенциал адвокатской команды, трудившейся по второму уголовному делу. В ней состояли один доктор юридических наук (Елена Лукьянова) и пять кандидатов (Денис Дятлев, Вадим Клювгант, Владимир Краснов, Сергей Купрейченко, Константин Ривкин).

Естественно поэтому, что соединение в одном коллективе такого количества неординарных личностей, да еще и помноженное на уникальную специфику данного дела, в итоге дает боевое формирование, которому внутренне свойственны «единство и борьба противоположностей», выступающее, по заверениям подзабытых классиков, двигателем диалектического развития. В нашем случае – движения к истине в надежде на справедливое правосудие. К мозговому штурму, сопряженному с бурными внутренними дебатами, подталкивали

еще и нестандартные действия нашего противника, отличавшегося неприкрытой демонстрацией пренебрежения к закону, агрессивностью и малой предсказуемостью.

На одном из совещаний в офисе Генриха Падвы, когда я еще толком с ним не был знаком, обсуждалась ситуация, связанная с тем, что законодатель в декабре 2003 года существенно изменил диспозицию статьи 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с организаций), вменявшей в вину и Ходорковскому, и Лебедеву. На момент встречи эти изменения были учтены в окончательной редакции обвинения Лебедева, а так как у Ходорковского следствие было уже завершено, его обвинение излагалось по-старому.

Падва предположил, что следователи в обязательном порядке перед направлением дела в суд перепредъявят Ходорковскому обвинение, чтобы привести его в соответствие с новым законом. Я же возразил и сказал, что, глядя на то, как действует Генеральная прокуратура, не следует надеяться на корректировку обвинения и поэтому, скорее всего, дела Ходорковского и Лебедева поступят по отдельности в суд с различающимися фабулами.

Услышав подобную крамольную версию развития событий, Генрих Павлович вспыл, заявив, что я, видимо, специализируюсь на гражданских делах, а в уголовных мало что понимаю. Поскольку такого не может быть, это абсурдно и противоречит как закону, так и здравому смыслу.

Могу сказать, что мой прогноз оправдался – дела были отправлены в Мещанский суд с разными редакциями обвинений одной и той же статьи и приведены к «общему знаменателю» лишь с вынесением приговора. Но у меня особо отложилось в памяти, что в конце описываемой встречи Падва извинился за резкость, что вызвало безусловное уважение, поскольку предложенный прогноз мог казаться действительно странным и претендовать на негативную реакцию. С этого момента наше тесное сотрудничество ничем не омрачалось и протекало весьма продуктивно.

О стратегии и тактике. Перед началом самого ответственного этапа мещанского процесса – судебного следствия – нам предстояло решить крайне важную задачу, как то: определиться со стратегией ведения защиты. По результатам расследования, по сути таковым не являвшегося, анализа бесосновательных обвинений и положенных в их основу «доказательств», а также безуспешной попытки использовать возможности предварительного слушания было совершенно ясно, что рассчитывать на объективный и беспристрастный суд не приходится. По этой причине у некоторых членов адвокатской команды появилось предложение о демонстрации на процессе протестной линии поведения, иными словами – безучастного присутствия с игнорированием судебных процедур по причине недоверия мещанскому правосудию. Как вариант конкретных действий – заявление отвода составу суда с последующим нереагированием на обращения с его стороны. В случае же проведения процесса в обычном режиме с элементами состязательности сторон у наблюдателей создастся впечатление, что все происходит внешне законно и обвинения подтвердились.

Это предложение, безусловно имевшее право на существование, большинство адвокатов не поддержали. Трудно было себе представить, что защита может безмолвно наблюдать за дезинформатором-свидетелем или искажающим факты прокурором, когда в деле есть известные нам доказательства, легко изобличающие лжецов. К тому же при таком подходе терялась возможность представить участникам судебного разбирательства специалистов со стороны защиты, которые своими письменными заключениями и показаниями разрушили бы обвинение, а также пригласить и заслушать наших свидетелей и потребовать приобщения к материалам уголовного дела документов, подтверждающих невиновность подсудимых. Не говоря уже о том, что предлагавшаяся линия поведения, вероятно, поставила бы нам заслон на пути в ЕСПЧ, где предстояло доказывать отсутствие справедливого судебного разбирательства и исчерпанность внутригосударственных средств защиты.

Точку в этой адвокатской дискуссии поставил сам Михаил Ходорковский, считавший, что всё должно идти в обычном для уголовных дел порядке, с тем чтобы мы использовали весь спектр юридических возможностей для демонстрации несостоятельности выдвинутых обвинений. Именно такой линии команда защитников придерживалась на первом процессе в Мещанском суде и еще более решительно отстаивала ее в Хамовниках.

Кстати, здесь появляется повод поговорить и о причинах разных тактических подходов, отличающих первый судебный процесс от второго. Вероятно, я не ошибусь, если скажу, что едва ли не у всех представителей стороны защиты, включая Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, до момента оглашения обвинительного приговора имелись надежды на относительно мягкое разрешение дела. Надеяться на это позволяли и аналогичные события в отношении других лиц, уже попадавших в подобное положение, и очевидная натянутость обвинений, подлежавших публичному рассмотрению на глазах внимательно наблюдающей за разбирательством мировой общественности. Кроме того, во время мещанского суда отчасти вынужденно сменившееся руководство ЮКОСа еще предпринимало активные и неоднократные попытки спасти от неправомерных посягательств одну из лучших в стране нефтяных компаний. Это, вероятно, позволило бы одновременно облегчить участь Ходорковского и Лебедева. О серьезной проработке вариантов развития событий в обозначенном направлении и наличии шансов на положительное решение вопроса достаточно подробно рассказывается в уже упомянутой книге «Путин и дело ЮКОСа».

В совокупности эти обстоятельства были причиной того, что Михаил Ходорковский вместе с координатором команды адвокатов Генрихом Падвой избрал весьма осторожную линию защиты, стараясь избегать лишней раз «дергать тигра за хвост». Именно такая установка обуславливала, с одной стороны, подчеркнута корректные действия стороны защиты даже при наличии вопиющих оснований для резкого реагирования, а с другой – была основанием для возникновения конфликтных ситуаций и споров со сторонниками более активных действий. Той же причиной объяснялось и практическое исключение из арсенала защиты аргументов о политической мотивированности уголовного преследования наших доверителей.

К примеру, глядя на безобразия, происходившие на процессе, Платон Лебедев со своими адвокатами счел необходимым заявить отвод составу суда, что было сделано при неодобрении таких действий некоторыми коллегами, представлявшими интересы Ходорковского. Интересно, что данный демарш явился впоследствии немаловажным аргументом при обращении в ЕСПЧ, но записать его себе в актив смогла только команда Лебедева.

Объясняя приверженность к соблюдению строгой юридической позиции, направленной на скрупулезное опровержение фактами выдвинутых прокуратурой претензий, Генрих Падва в своей книге мемуаров с огорчением пишет о том, что были люди, считавшие, что он недостаточно высвечивает политическую составляющую дела и не слишком активно разоблачает авторов обвинения и прокуроров¹². Таких людей действительно хватало. Видимо, именно этой категории наблюдателей знаменитый грузинский поэт XII века Шота Руставели посвятил стихотворные строки: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны».

Вот одно из высказываний о линии защиты, избранной Генрихом Павловичем, в изложении иностранного автора: «Он был старшим среди юрисконсультов и усиленно отговаривал Ходорковского от превращения суда в яркий политический процесс. Он убеждал его, что если он воздержится от такой шумихи, то у него будет больше шансов на оправдательный приговор. Этот совет шел вразрез с мнением других адвокатов, и в конечном итоге он обернулся серьезной ошибкой»¹³. Весьма огорчительно, что, позволяя себе оценивать работу

---

¹² Падва Г. Указ. соч. С. 275.

¹³ Сиксмит М. Указ. соч. С. 247.

одного из самых авторитетных в нашей стране адвокатов и бросая ему в значительной мере незаслуженные упреки, критики доходят до того, что выдвигают совершенно нелепые версии: «Известно, что у него были хорошие отношения с некоторыми кремлевскими деятелями, поэтому возникало подозрение, что он мог нарочно убедить своего клиента сидеть тихо и не возбуждать международную общественность»¹⁴.

Сразу скажу, что у меня, как у участника описываемых событий, нет ни малейших оснований сомневаться в порядочности и честности Генриха Падвы. Его высокий профессионализм также общеизвестен. Отстаиваемая им точка зрения о тактике действий стороны защиты была мотивирована и понятна. Что крайне важно – согласована с Михаилом Ходорковским и поэтому принята к исполнению другими членами команды. Возможно, нам не хватало жесткости, но вряд ли смещение акцентов существенно повлияло бы на итоговые решения судебных инстанций. Нужно учитывать и то, что защита была ограничена в использовании свидетельской базы, поскольку едва ли не каждый потенциальный свидетель мог стать мишенью для уголовного преследования. Однако даже приобщенных к делу документов вполне хватало на то, чтобы показать всю несостоятельность выдвинутых обвинений.

С другой стороны, международная общественность в лице правозащитных и иных неправительственных организаций, российская и зарубежная пресса, политики, государственные деятели постоянно уделяли самое серьезное внимание ситуации с ЮКОСом и его менеджерами. Достаточно вспомнить принятую в середине первого процесса, в январе 2005 года, жесткую резолюцию ПАСЕ, выступления почти всех первых лиц демократических государств, выразивших озабоченность преследованием руководителей нефтяной компании. Очевидно, что в такой обстановке от воли самого Михаила Ходорковского мало зависели публичность освещения процесса и даваемые ему теми, кто интересовался происходившим, нелицеприятные оценки. Другими словами, повышать еще более градус возбужденности наблюдателей глубокого смысла не было.

Можно задаться вопросом, а что же представляла собой «правильная» линия поведения адвокатов в представлениях ее сторонников? Ответ можно найти в высказывании приводившегося в литературных источниках некоего анонимного западного юриста: «...Мы считали, что процесс необходимо построить на манер западных политических процессов. То есть вызвать свидетелей из правительства, людей, которые принимали решение об аресте и которые решили отнять ЮКОС. Можно было бы вызвать многих людей из верхушки правительства, приложивших руку к этому делу, и допросить в качестве свидетелей»¹⁵. Это предложение удивляет своей наивностью. Апологет таких действий явно плохо знаком с российскими реалиями, если допускает, что воцарившееся «басманное правосудие» способно на осуществление судопроизводства по западным стандартам независимого и объективного суда, да еще по скандальному «делу ЮКОСа».

Здесь, вероятно, более уместным было бы прислушаться к мнению тех, кто на себе испытал российскую правовую действительность и поэтому надолго избавился от иллюзий. Бывший финансовый директор ОАО «НК «ЮКОС»», гражданин США Брюс Мизамор, против которого вместе с еще несколькими иностранными менеджерами было возбуждено уголовное дело: «Так делаются дела в России: закон здесь не действует, независимых судов нет. Судей назначают, и те пляшут под дудку губернаторов и Кремля»¹⁶. Схожие мысли высказывает канадский адвокат Роберт Амстердам, представлявший интересы Михаила Ходорковского и подвергшийся за это преследованию, говоря, что российское правосудие сегодня не многим лучше, чем было при Сталине: «Дело Ходорковского – это полное нарушение

---

¹⁴ Там же.

¹⁵ Сиксмит М. Указ. соч. С. 248.

¹⁶ Цит. по: Сиксмит М. Указ. соч. С. 185.

закона, поэтому я даже затрудняюсь назвать весь этот процесс судом. Это показательное судилище... Судьи – это прислужники прокуроров, работающие на них»¹⁷.

Следует заметить, что, когда ко второму судебному процессу над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым ситуация несколько поменялась и власти решили продемонстрировать внешне более лояльное разбирательство, стало возможным рассчитывать на вызов правительственных чиновников, что ранее было абсолютно нереально для обстановки Мещанского суда. Однако и в этом случае допуск в суд на свидетельскую трибуну был строго дозирован, и в число «счастливиц» все равно не попали ни те, кто «решил отнять ЮКОС», ни те, кто «принимал решения об аресте».

В конечном итоге, как представляется, именно время рассудило спорщиков. В хамовническом процессе защита открыто, резко и многократно заявляла о политической мотивированности уголовного преследования Ходорковского и Лебедева. Для критики не поддающегося здравому смыслу нового обвинения использовались эпитеты на грани допустимых. В свидетелях защиты и бесспорно оправдывающих подсудимых документов, включая вступившие в силу арбитражные решения, не было недостатка. Итог известен – обвинительный приговор в 14 лет лишения свободы.

Вывод из сказанного очевиден: для судей, из числа тех, кого устраивает обозначенная выше роль прислужников прокуроров, любая по степени активности позиция защиты не является препятствием по причине абсолютного ее игнорирования. А жертвам такого правосудия в этих случаях не остается ничего иного, кроме как утешаться словами американского мыслителя позапрошлого века Генри Торо, сказавшего, что единственное место, приличествующее честному гражданину в незаконном государстве, – это тюрьма. Впрочем, та же идея применительно к отечественным условиям может быть выражена и несколько по-иному, и даже в стихотворной форме:

И я сказал себе: держись,
Господь суров, но прав,
нельзя прожить в России жизнь,
тюрьмы не повидав¹⁸.

Организация работы защитников. Для координации усилий команды защитников периодически проводились рабочие совещания. Там подводились итоги прошедшего этапа и ставились задачи на будущее в зависимости от ожидаемых событий, будь то продление срока стражи, допрос важного свидетеля или заявление отвода составу суда. В течение второго процесса было установлено за правило ведение письменного протокола совещаний, где отмечались ход обсуждения вопросов, принятые решения, сроки исполнения и ответственные за это адвокаты. После изготовления протокола он по электронной почте рассылался всем членам команды, а при необходимости с ним знакомили и подзащитных. Такой подход может показаться несколько забюрократизированным, но на самом деле он полностью оправдал себя. В каких-то случаях документ позволял активизировать работу, завершение которой планировалось к определенной дате. Порой выяснялось, что исполнитель не совсем правильно понял, что ему предстояло сделать, и тогда опять же выручал протокол.

Теперь следует сказать несколько слов об организационно-технической стороне деятельности команд адвокатов. Закон по завершении предварительного следствия разрешает защите не только знакомиться со всеми материалами уголовного дела, но и копировать их

---

¹⁷ Цит. по: *Сиксмит М.* Указ. соч. С. 246.

¹⁸ Стихи Игоря Губермана, у которого на ту же тему имеется и другое четверостишие: Тюрьмою наградила напоследок меня отчизна-мать, спасибо ей, я с радостью и гордостью изведасудьбу ее не худших сыновей.

с помощью технических средств. Естественно, этим правом мы воспользовались, и в конце 2003-го – начале 2004 года в здание Главного следственного управления в Техническом переулке Москвы были доставлены ксерокопировальные аппараты, активно запущенные в работу нашими помощниками.

Адвокатский опыт подсказывает, что правильнее всего копировать всё дело без каких-либо изъятий, даже несмотря на объем, порой весьма внушительный. Иначе получится, что в нужный момент понадобится взглянуть на точную копию именно того документа, который при копировании оказался неважным и поэтому пропущенным.

Каюсь, по первому делу я, как отвечавший за снятие копий, допустил именно такую ошибку, предварительно опросив коллег-«предметников» о том, что им понадобится в работе из материалов дела. Наверстывать упущенное пришлось отчасти в ходе мещанского суда, отчасти на стадии обжалования.

Намного разумнее поступили адвокаты-«ходорковцы». Они не только отсняли все без исключения 227 томов уголовного дела своего клиента, но еще и при этом выработали методику, успешно используемую защитой в дальнейшем. Заключается она в том, что в первую очередь с использованием копировального аппарата делается хорошая – в зависимости от качества исходного документа – копия. Затем она сканируется, что позволяет создать электронную версию уголовного дела.

А для того чтобы найти в многотомном деле нужный документ, что крайне важно при возникновении соответствующей ситуации в ходе суда, делаются электронные текстовые описи с гиперссылками. Они предоставляют возможность оперативного поиска документа в материалах дела и переадресации к другому объекту (файлу, каталогу, приложению), расположенному на локальном диске данного компьютера. При гиперссылках в описях электронных версий томов уголовного дела открытие искомого документа занимает доли секунды.

Естественно, что электронная версия дела копируется на переносные электронные носители (жесткие портативные диски, флеш-карты или компакт-диски), а также размещается в памяти адвокатских компьютеров.

Помимо электронных версий для адвокатов, более привыкших работать с бумажными носителями информации, распечатывались и изготавливались сброшюрованные копии томов дела.

Здесь следует отметить, что при очень неплохом в большинстве случаев качестве получаемых копий документов из дела их отдельные мелкие или слабо отраженные красителями детали могут быть утрачены. Поэтому в случае сомнений, а тем более важности точного установления существенных элементов, лучше еще раз взять в руки имеющийся у суда том с проверяемым документом и собственноручно его осмотреть. Еотовя как-то ходатайство об исключении из дела недопустимых доказательств, я обратил внимание на некоторые не вполне понятные несоответствия, которые хотел использовать как дополнительные аргументы. Что-то подтолкнуло подойти к секретарю и попросить материалы дела. Оказалось, что хорошо видимая на первоисточнике и читаемая печать была при копировании полностью «съедена», вероятно из-за того, что она была исполнена синей штемпельной краской.

Такая же методика копирования использовалась и при завершении предварительного расследования по второму делу Ходорковского и Лебедева. В одном из кабинетов Читинской областной прокуратуры, отведенном для следственной бригады из Москвы, был установлен копировально-множительный аппарат. И на нем на протяжении рабочего дня трудились наши технические помощники. Через некоторое время после начала такой работы обнаружилась интересная закономерность: заправляемые картриджи почему-то расходовались несоразмерно количеству производимых копий и продемонстрировали удивительную способность очень быстро заканчиваться. Анализ специфики забайкальского размножения бумаги привел к твердому убеждению, что красящее вещество в тонере стабильно убывает

исключительно во время обеденных перерывов, когда помощники отлучаются для принятия пищи. Тогда на рабочих местах остаются только следователи, видимо активно реализовавшие таким образом свои накопившиеся копировальные потребности за счет чужой техники. Установив указанные причинно-следственные связи, помощники по указанию адвокатов стали вынимать и брать с собой на обед картриджи. Проблема была решена, ксероксы заработали в полном соответствии с техническими параметрами своей выходной способности!

Вообще, условия применения технических средств в Хамовническом суде были беспрецедентными по отношению ко всему, виденному мною до сих пор, хотя на самом деле это была часть задумки инициаторов процесса по созданию внешне благоприятной обстановки, о чем мы еще поговорим. Уже в самом начале судебного разбирательства каждый из адвокатов подал на имя председателя суда Виктора Данилкина заявление, где уведомлял о намерениях использовать самую разную вспомогательную технику и просил сообщить об этом сотрудникам службы судебных приставов, осуществляющим контроль на входе в здание. В документе перечислялись следующие технические средства: персональный компьютер; оборудование для осуществления фотокопирования, в том числе фотопланшет и цифровой фотоаппарат; оборудование для осуществления видеозаписи, в том числе видеокамера и микрофон; оборудование для осуществления аудиозаписи, в том числе цифровой и аналоговый диктофоны, микрофоны; принтер. Естественно, что указанная техника использовалась в ходе процесса по мере возникавшей необходимости.

Отдельного разговора в рассматриваемой связи заслуживает использование в деятельности адвокатов средств аудиозаписи. Сейчас весьма распространенные цифровые диктофоны столь совершенны, что позволяют делать довольно качественные записи, причем с разумного в зависимости от ситуации расстояния.

Как правило, защитой использовалось сразу два диктофона, чтобы избежать ситуации с проблемой из-за возможной поломки. Они устанавливались на одном из столов, где располагались защитники, и перемещались в зависимости от того, кто в данный момент выступал – прокурор, свидетель или один из адвокатов. По нашим наблюдениям, при наличии шнурового микрофона некоторые судьи позволяют крепить его на трибуне для свидетелей. Другие отказывают, почему-то ссылаясь на то, что наличие техники будем мешать выступающему. Хотя я ни разу не видел, чтобы этот вопрос выяснялся у самого свидетеля, эксперта или специалиста, готовящегося давать показания.

Надо ли говорить, что такие аудиозаписи являются большим подспорьем в работе. Это превосходный источник замечаний на протокол судебного заседания, с изготовлением которого обычно судьи не сильно торопятся. По той же причине расшифровки записей содержат необходимую фактуру для выступлений адвокатов в прениях сторон. Это возможность определить точную формулировку сказанного оппонентом при подготовке ответной реплики или заявления. Это и отличный материал для создания текущих процессуальных документов защиты. Кстати, такая же запись, осуществлявшаяся сотрудниками пресс-центра и в режиме реального времени, позволяла вскоре увидеть на страницах сайта khodorkovsky.ru точный текст с изложением речей выступавших на процессе. Максимум на следующий день полное описание событий появлялось на сайте. Оно иллюстрировалось оглашавшимися на процессе документами.

Однажды в Хамовническом суде наличие звукозаписи стало средством оперативного разоблачения прокурорской лжи. Произошло это так. Валерий Лахтин, видимо, по уже установившейся среди прокуроров традиции видеть несуществующую подпись Платона Лебедева под самыми разнообразными документами, едва ли не через пару минут после сделанного им публично утверждения о ее наличии в одном из договоров ЮКОСа, и будучи мгновенно «схваченным за руку», а точнее – за язык, от своих слов отказался, заявив, что он

ничего подобного не говорил. Присутствовавшие в зале ахнули при виде столь демонстративного провала в памяти государственного обвинителя, а Лебедев «пошедшего в отказ» прокурора незамедлительно решил изобличить. Очень быстро, где-то за время обеденного перерыва, было подготовлено соответствующее заявление, сопровождавшееся воспроизведением отрывка записи с утверждением Лахтина. При его последующем оглашении во второй части судебного заседания за вновь прозвучавшим в диктофонной записи прокурорским утверждением были тем же способом трижды озвучены слова «борца за законность, честность и справедливость»: «Я этого не говорил... Я этого не говорил... Я этого не говорил...» Истина была установлена, однако привыкший к регулярным разоблачениям Лахтин, выслушивая самого себя, и бровью не повел: сказала прокурорская школа.

В другой ситуации в положение изобличаемой попала прокурор Гульчехра Ибрагимова, почему-то вместо ЮКОСа в оглашаемом договоре назвавшая другую организацию, «Томскнефть», и так же, как и Лахтин, пошедшая затем в отказ. Сеанс аудиодетекции не произошёл лишь по причине заступничества судьи Данилкина, который, едва услышав начало разоблачительной записи, резко потребовал ее выключить.

Показательно, что эти мини-уроки для баронов Мюнхгаузенов со званиями старших советников юстиции (по военному – полковников) почему-то вызывали негодование судьи Данилкина. Казалось бы, он должен был возмущаться вместе со всеми: и его пытались обмануть и ввести в заблуждение отказом от своих собственных слов. Однако претензия была обращена только к стороне защиты и заключалась в предписании впредь такое использование технических средств обязательно согласовывать с председательствующим...

Важно добавить к сказанному о технической оснащённости, что в зале был установлен проектор, позволявший с компьютеров адвокатов выводить на стену изображение документа, о котором шла речь в данный момент в ходе судебного разбирательства, будь то допрос свидетеля, представление доказательств одной из сторон или дача показаний подсудимыми. Однажды при помощи проектора для иллюстрации показаний Платона Лебедева о банке «Менатеп» был показан фрагмент документального фильма, ранее транслировавшегося по телевидению. А чтобы находящиеся в клетке-«аквариуме» Ходорковский или Лебедев в ходе своих выступлений могли акцентировать внимание присутствующих на конкретном реквизите или фразе из демонстрируемого проектором документа, им была предоставлена возможность использовать лазерную указку.

На одном из адвокатских столов, в полуметре от «аквариума», где находились наши доверители, адвокатами был установлен подключенный к компьютеру большой 29-дюймовый монитор. Он позволял Ходорковскому или Лебедеву быстро, с помощью защитников, найти в электронной версии дела и увидеть нужный документ, а в других случаях – работать по созданию того или иного ходатайства или заявления, планируемого к оглашению в суде прямо во время проведения процессуальных действий.

Кроме того, защитой были доставлены в суд и установлены в углу зала, рядом с большим стационарным судебским ксероксом, два портативных копировально-множительных аппарата. Там же располагался небольшой книжный стеллаж, где хранились нужная литература, справочные пособия и некоторые подборки из материалов дела. Правда, когда материалов накопилось с избытком, второй стеллаж поставить уже не разрешили, едва не выставив первый, который с трудом удалось отстоять. В клетке-«аквариуме» для каждого подзащитного были установлены небольшие складные металлопластиковые столики, чтобы удобнее было писать и располагать тетради с записями.

В общем, техническая вооруженность команды защитников была на вполне современном уровне.

И еще об одном адвокатском «ноу-хау». В процессе работы по делу защита столкнулась с тем обстоятельством, что следователи, призванные быть по закону объективными и

беспристрастными, а главное – защищать человека от незаконного и необоснованного преследования, в реальности активно занимались тем, что скрывали доказательства невиновности наших подзащитных. За долгие годы ведения «дела ЮКОСа» путем манипулирования с выделением и соединением уголовных дел они наработали практику фильтрации имеющихся материалов, подтверждающих, в их понимании, выдвинутое обвинение так, чтобы документы, говорящие в пользу Ходорковского и Лебедева, оставались в недрах Следственного комитета и в суд не попадали.

Доходило до ситуаций уникальных и малопредставляемых по иным делам, рассматриваемым в традиционном порядке в российских судах. По делу о хищении, где документально должны быть доказаны наличие и размер материального ущерба от преступления, отсутствовала бухгалтерская отчетность «потерпевших» – дочерних предприятий ЮКОСа! Эта отчетность на самом деле изымалась следователями, что было подтверждено протоколами выемок и обысков, но к делу ничего подобного приобщено не было. Естественно, что, пользуясь возможностями, предоставляемыми законом об адвокатуре, защитники направляли запросы руководству «дочек», но оттуда, со ссылкой на коммерческую тайну, последовали отказы. Следствие также отказало в приобщении к делу балансов с приложениями.

Тогда было принято решение обратиться за помощью к нотариусу, чтобы заверить искомые документы, имеющиеся в свободном доступе в Интернете. Сейчас для такого рода действий даже появилось специальное название – нотариальное заверение интернет-контента в порядке обеспечения доказательств. В результате вместе с соответствующим ходатайством Хамовническому суду были представлены протоколы осмотров информационных ресурсов, опубликованных в электронном виде, представлявшие собой бухгалтерские балансы «Томскнефти», «Самаранефтегаза» и «Юганскнефтегаза» за интересующие годы. Кстати, причина сокрытия их от защиты лежала на поверхности – согласно указанной отчетности предприятия работали с прибылью, и поэтому ни о каком хищении годовых объемов нефти речи идти не могло.

Правда, суд поступил по-своему, отправив запросы в дочерние предприятия о выписках из балансов с соответствующими показателями. Пришедшие справки полностью подтвердили отсутствие хищений, поскольку поступающая выручка за нефть покрывала все затраты нефтедобытчиков.

Критики и доброжелатели. Нет сомнения в том, что суды по «делу ЮКОСа» в целом и деятельность защитников отдельно внимательно и критично отслеживались профессиональными юристами. В одних случаях это было познавательное любопытство на тему того, как проходили самые громкие в России процессы последних десятилетий. В других очень понятный интерес проявляли сотрудники правовых отделов и служб безопасности нефтяных компаний, по указанию своих руководителей пытавшиеся примерить обвинения, выдвинутые против наших подзащитных, к практике функционирования своих собственных организаций¹⁹.

В числе наблюдателей с юридическими познаниями встречались также люди, реально и искренне стремившиеся хоть чем-то помочь защите. Но находились и явно сомнительные личности, кто искал встреч с адвокатами со всякого рода мутными предложениями.

Едва только началось предварительное следствие по первому делу, как к координаторам команд, а то и прямо на адреса СИЗО для наших подзащитных стали приходиться письма с критикой адвокатских действий. Была масса рекомендаций, как правильно вести защиту,

---

¹⁹ По завершении следствия по второму уголовному делу мне позвонил бывший сослуживец, работающий в службе безопасности крупной нефтяной компании, и сообщил, что ему поручено вступить со мной в переговоры о покупке копии обвинительного заключения. Пока я раздумывал над этим оригинальным предложением, он уже раздобыл его в другом месте.

например предлагалось каждый шаг следователей обжаловать в судебном порядке, чтобы им просто некогда было заниматься собственно расследованием. Первое время мы добросовестно показывали такую корреспонденцию клиентам, но те не проявляли к ней особого интереса.

На втором процессе, помнится, мне пришлось беседовать в перерыве судебного заседания с мужчиной, сообщившим, что он возглавляет юридическую компанию, имеющую прекрасные результаты в защите граждан от незаконных обвинений. И если Ходорковский или Лебедев обратятся к нему, то в результате применения наработанных и суперэффективных методик со стопроцентной вероятностью окажутся на свободе.

Другой случай был связан с тем, что ко мне в офис долго напрашивался и наконец приехал некий знакомец бывшего сотрудника ЮКОСа, проживающего теперь за границей. Гость сообщил, что его приятель обладает убийственными по важности документами, наличие которых у защиты позволит легко разрушить выдвинутые прокуратурой против Ходорковского и Лебедева обвинения. Но что странно – посетитель не только ничего не смог пояснить о содержании рекламируемых им «бесценных» бумаг, но и продемонстрировал явное незнание сущности того, что инкриминировано нашим подзащитным. И даже после того, как мы расстались, этот человек, несмотря на столь малую информированность и непонимание движущих механизмов нашего процесса, передавал через общих знакомых, что я напрасно не воспользовался его столь «соблазнительным» предложением.

Однажды мой коллега по Совету Адвокатской палаты Москвы, возглавляющий большое адвокатское образование, поведал, что некоторые следящие за нашим процессом его сослуживцы регулярно рассказывают ему о том, как бы они защищали Ходорковского, если бы представляли его интересы. Судя по пересказанному мне, такие повествования сильно смахивали на содержание рубрики, существовавшей когда-то в одной популярной газете и называвшейся «Если бы директором был я». С одной только разницей: идеи озвучивались после оговорки – прежний директор никуда не годится.

Порой от полета мыслей непрошенных советчиков или критиков просто брала оторопь. Недовольство мог вызвать очень краткий круг вопросов, заданных в суде свидетелю обвинения. Но это была установка клиентов, считавших полученную в ответах информацию вполне достаточной. А адвокат, как известно, связан в своих действиях позицией доверителя.

Как-то я встретил в электронных СМИ следы бурного негодования бывшего сотрудника ЮКОСа на тему о том, что защита не настаивала на вызове в Хамовнический суд весьма осведомленного свидетеля из числа крупных менеджеров компании. При этом критику (скорее, критикану) было невдомек, что у прокуроров на вооружении имелись изложенные в обвинительном заключении претензии к работе этого человека, которые в любой момент могли преобразоваться в конкретные обвинения, что было хорошо известно адвокатам. Именно поэтому следственно-прокурорская команда приложила немалые усилия в целях заполучить в суд этого свидетеля, но у них ничего не получилось. Защита же, когда пришло время представлять доказательства, напротив, заверила обеспокоенного экс-менеджера, что мы не будем подвергать его риску и ходатайствовать о вызове, так как располагаем и без того сильной доказательственной базой.

Вообще, в критике с самых разных сторон недостатка не было. Первый судебный процесс едва ли не по косточкам был разобран некоей группой товарищей, написавших творение под названием «“Дело Юкоса” как зеркало русской адвокатуры» (2008 г.), где значительная часть из написанных 800 страниц была посвящена критическому разбору действий команды адвокатов в Мещанском суде. Те, кто заглянул в это «зеркало», могли убедиться, что одобрительных слов в адрес прокурора и суда авторы высказали, пожалуй, больше, чем посвятили их защитникам. Возомнившие себя стратегами сторонние наблюдатели (вспомним Ш. Руставели) не стеснялись ставить оценки, словно профессор студенту-первокурс-

нику: «Адвокат в своих ходатайствах руководствуется ложным пониманием отдельных статей из уголовно-процессуального закона. Процессуальные действия адвоката абсурдны». Этот же всезнающий «лектор» поучает несмышленишек-защитников: «Если адвокат представляет суду какой-либо документ в качестве доказательства, то есть содержащимися в этом документе сведениями он доказывает какое-то нужное ему обстоятельство, то этот документ обязательно приобщается к материалам уголовного дела судом как неотъемлемая часть доказывания стороной защиты...» Без комментариев.

Однако создателям указанного солидного фолианта, из которых по меньшей мере трое – адвокаты, вскоре представилась отличная возможность оторваться от критического теоретизирования и проявить свои способности на практике в сражениях со следствием и судом. Это произошло в реальном «деле ЮКОСа», точнее – в одном из его немаловажных производств, послуживших предтечей для второго обвинения против Ходорковского и Лебедева. Двое из создателей творения защищали Владимира Малаховского и Антонио Вальдеса-Гарсию, а третий сопровождал на допросы свидетелей из числа сотрудников ЮКОСа. Первым активным действием на суде знатоков права явилось ходатайство о проведении процесса в закрытом режиме, с энтузиазмом поддержанное обвинением и принятое судьей. В результате, глубочайше впитав в себя философские дистинкции, освоив историческую онтологию, ощутив на себе нейролингвистическое влияние и справившись с вирусами фельетонизма (термины из упомянутой книги), а также выяснив у наших высокоученых братьев по цеху процессуально выверенные подходы к истинному пониманию содержания норм УПК, Басманный суд Москвы определил Малаховскому 12 лет лишения свободы и готов был дать по предложению прокуратуры столько же Вальдесу-Гарсии, если бы тот не сбежал. И теперь уже пятый год адвокатское сообщество с нетерпением ждет от «йукосизаторов» самокритичного разбора своей собственной прикладной деятельности...

§ 3. Великий и могучий

«А кого судьи велят поставить к суду, и исцу и ответчику, став перед судьями отвечать вежливо и смиренно и не шумко, и перед судьями никаких невежливых слов не говорити и межь себя не браниться».

Из «Соборного уложения» 1649 года

Своей поддержкой и опорой называл более ста лет назад русский язык знаменитый писатель Иван Сергеевич Тургенев, одновременно характеризуя его как великий и могучий. Умение владеть языком в многогранных его проявлениях есть обязательное условие успешной работы адвоката в рамках судопроизводства. Сказанное касается как составления процессуальных документов, так и выступлений в судебных процессах, построенных на принципах устности и гласности. При этом, в силу предписаний «Кодекса профессиональной этики адвоката», представитель адвокатского сообщества не вправе допускать при рассмотрении дела высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случаях их нетактичного поведения. Корпоративные этические нормы предусматривают ограничения и для наших оппонентов – прокуроров, а также для судей. В «деле ЮКОСа» возникало немало пограничных ситуаций, когда использование богатств русского языка приводило к конфликтам.

Сначала о случаях безобидных, в основе каковых, скорее всего, лежат либо непонимание сути сказанного, либо навязываемое мнение, опирающееся на собственные представления об истинной сущности прозвучавшего.

Например, в Мещанском суде судья Ирина Колесникова однажды довольно резко прервала выступавшего адвоката Юрия Шмидта, когда он в ходе своей речи для аргументации сказанного привел всем известную поговорку «Дорого яичко к Христову дню». Сложно представить, какие именно ассоциации в этот момент возникли в голове у служительницы Фемиды, но итогом стало вынесение защитнику замечания. Изумленный Шмидт, вероятно уже не без опасения, сменил пасхальное изречение на более нейтральное и бытовое – «дорога ложка к обеду», и такая замена вполне удовлетворила строгую судью.

(Любитель образных сравнений, Юрий Шмидт на втором процессе относительно попытки прокуроров вбросить в дело очередной набор документов сказал, что это дает обвинению возможность в любой момент вытаскивать из рукава то петуха, то зайца. Даже страшно подумать, что было бы с судьей Колесниковой, если бы такое произошло в ее присутствии.)

Гораздо более интересна в рамках нашего дела история с распространенным в юридической практике выражением, обозначающим процессуального оппонента словами «противная сторона». Ранее это выражение безусловно считалось синонимом прилагательного «противоположный», и именно так оно указано в первом значении в авторитетнейшем «Словаре русского языка» С. Ожегова. Да и в настоящее время в договорных отношениях противная сторона (counterparty – *англ.*) воспринимается как одна из сторон договора, противостоящая той, чьи интересы отстаиваются. Кстати, именно в таком смысле противную сторону упомянул один из выступавших в Мещанском суде свидетелей обвинения, рассказывая о сделке со своим участием, и это не породило никаких возражений.

- Михаил Ходорковский – обладатель в 2002 году звания самого профессионального менеджера современной России

• Платон Лебедев – руководитель Международного финансового объединения Менатеп

• Начальник правового управления ОАО «НК «ЮКОС»» Василий Алексанян

• Члены Совета директоров ОАО «НК «ЮКОС»» Сара Кэри (США) и Жак Косьюшко-Моризе (Франция) в православном храме в Нефтеюганске (октябрь 2002 г.)

• Вице-президент ЗАО «ЮКОС-РМ» Франк Ригер (ФРГ)

• Член Совета директоров ОАО «НК «ЮКОС»» Жак Косьюшко-Моризе

• Пристальный взгляд Президента – сигнал об опасности (Константиновский дворец, июнь 2003 г.)

• Атака в полном разгаре. Тревожные предчувствия (На пресс-конференции в ЮКОСе, 6.10.2003 г.)

- Зачастившие гости. Машина генпрокуратуры у штаб-квартиры ЮКОСа

- В Жуковке после визита следственно-оперативной группы: обыск или погром? (осень 2003 г.)

• Слово в защиту ЮКОСа на пресс-конференции. Слева-направо: Ю. Шмидт, К. Ривкин, Е. Бару, А. Кондауров, Е. Липцер, В. Краснов (конец 2003 г.)

Следует пояснить, что прилагательное «противный» действительно более распространено в гражданском праве, и это не вызывает у цивилистов какого-либо неприятия. Можно указать на положения действующего Гражданского кодекса **РФ** о сделках, совершаемых с целью, заведомо **противной** основам правопорядка или нравственности; на массу законодательных актов и судебных решений, говорящих о **противном** случае; на международно-правовые документы, упоминающие доказывание **противного**.

Ничего крамольного и уничижительного нет на самом деле и в сочетании **противная сторона**, еще относительно недавно применявшемся отечественным законодателем в законе «О Конституционном Суде РСФСР» («Сторона вправе... задавать вопросы противной стороне»), ранее – в Уголовно-процессуальном кодексе 1922 года («Ходатайства разрешаются судом... причем предварительно должны быть заслушаны заключения противной стороны»), а в настоящее время иногда встречается в арбитражных решениях.

Сам я этим словосочетанием пользовался неоднократно, порой автоматически, и что интересно, у имеющих таким образом в виду прокуроров это никогда не вызывало возражений. Однако судьи порой усматривали некую крамольную двусмысленность в рассматриваемом выражении и соответственно на это реагировали. Забавный пример привел в своей книге Генрих Падва, рассказывая о событиях середины прошлого века. Его коллега, выступая в суде, несколько раз произнес общепринятое тогда обозначение «противная сторона». Неожиданно судья прервал его словами: «Что вы такое говорите – противная сторона, противная сторона – для суда обе стороны одинаково противные»²⁰.

Однако в Мещанском суде определение группы лиц, поддерживающих обвинение, как противной стороны не вызывало у судей никакой аллергии. Возможно потому, что этому сопутствовало специальное объяснение: имеется в виду не качественная характеристика, а место взаиморасположения. В Хамовническом же суде вообще на такого рода мелочи не

²⁰ Падва Г. Указ. соч. С. 131.

обращали внимания, поскольку там шли острые словесные баталии, предусматривавшие куда как более крепкие выражения.

Между тем с обозначенной мнимой коллизией мне пришлось столкнуться в Архангельском областном суде, в сентябре 2011 года рассматривавшем жалобу защиты на отказ Платону Лебедеву в условно-досрочном освобождении. Председательствующий судья Игорь Харитонов вел себя подчеркнуто корректно, однако на слова автора этих строк, сказанные в ходе выступления, среагировал незамедлительно и настойчиво попросил избегать выражения «противная сторона». Хотя в данном случае как раз не было особого повода делать выпады в адрес двух представителей областной прокуратуры, поскольку защитники их видели в первый раз, да и слово им было предоставлено для изложения позиции последним. Пришлось, исходя из предписаний суда, проявившего, по замечанию одного из присутствовавших журналистов, языковую чуткость, сменить «противную» сторону на «противоположную».

Кстати, по нашим наблюдениям, сторона обвинения в лице прокуроров и следователей зачастую сама подставляется под словесный залп защиты. Так, не единожды в процессуальных документах дел Михаила Ходорковского и Платона Лебедева, посвященных налоговой тематике, обнаруживалось некое **«налогооблажение»**, в ответ позволившее утверждать, что в части обвинений в уклонении от уплаты налогов наши противники явно **облажались**.

Еще пример. В октябре 2003 года один из основных акционеров ЮКОСа Василий Шахновский был избран в Совет Федерации от Эвенкии. В самый разгар преследования сотрудников нефтяной компании Генеральная прокуратура РФ такого допустить не могла и обжаловала состоявшееся избрание в Красноярском краевом суде. Найти повод для вывода о процедурных нарушениях было весьма сложно, проще придумать, и тогда прокурор заявил, что Шахновский не указал в документах свою половую принадлежность (!). Громкое ответное удивление адвоката Елены Лукьяновой: «Как же так, ведь общеизвестно, что он женат и имеет четверых детей?» – вызвало резкую реакцию судьи на ее слова.

А в процессе в отношении Алексея Пичугина присутствовал такой эпизод. Стремясь показать перед присяжными эффективность одорологической выборки, основанной на использовании возможностей обоняния собаки, гособвинитель восторженно рассказал, что его собственный пес даже по прошествии значительного времени, заходя в лифт, легко распознает там запаховые следы жены прокурора. На что сразу получил ответную реплику адвоката: это не наши проблемы, если ваша жена почему-то так сильно пахнет.

Безусловно, далеко не всегда разные взгляды на стилистические и терминологические изыски удается привести к общему пониманию. Порой в стенах суда доходит до откровенной перепалки и ругани с последующими жалобами на защитников в адвокатские палаты.

В подавляющем большинстве случаев некорректное поведение адвоката – это реакция на действия прокурора или судьи. Отчаявшись добиться справедливости и столкнувшись с тем, что их усилия неэффективны и раз за разом наталкиваются на стену равнодушия при решении человеческих судеб, защитники переходят за грань традиционных взаимоотношений участников судебного процесса и этим навлекают на себя гнев оппонентов, включая суд. В монографии «Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве» ее автор Юрий Гармаев делает весьма существенное и много объясняющее признание: «Одной из самых важных детерминант незаконной деятельности профессиональных защитников были и остаются противоправные и аморальные действия недобросовестных работников правоохранительных органов и судей. Часто допускаемые адвокатами правонарушения являются ответной реакцией на злоупотребления должностных лиц»²¹.

---

²¹ Гармаев Ю.П. Незаконная деятельность адвокатов в уголовном судопроизводстве. М., 2010. С. 8.

В вышеуказанных положениях кодекса адвокатской этики идет речь о недопустимости умаления чьей-либо чести и достоинства. А как быть, если такие качества у представителя другой стороны вообще отсутствуют? Если суд безмолвно взирает на творимое прокурором издевательство или выступает его явным соучастником? Если беспардонно попираются честь и достоинство приглашенного адвокатом свидетеля или специалиста, которые не могут сами себя защитить?

В современных условиях, когда в наших судах царствует обвинительный уклон, а из адвокатов пытаются сделать декоративное украшение к инквизиционному судопроизводству, **сложно требовать от защитников суперкорректного поведения в ответ на издевательство над законом и здравым смыслом.** По аналогии со старым анекдотом, это равно тому, чтобы от сантехника, которому сослуживец уронил на голову кувалду, требовать реакции: «Вася, ты не прав!»

Возможно, здесь правомерно говорить о допустимости разумных контрдействий, обусловленных крайней необходимостью, – такой правовой институт знаком как уголовному, так и административному праву. Его применение исключает ответственность формального правонарушителя. Кстати, в дисциплинарной практике Совета Адвокатской палаты Москвы рассматривался ряд случаев, когда была констатирована правомерность покидания адвокатами места производства процессуальных действий в знак протеста против поведения соответствующих должностных лиц. В одной ситуации это было игнорирование судьей заявления защитника о его плохом самочувствии с просьбой перенести заседание, в других – нерассмотрение судом или следователем заявлений об отводе. Что же касается использования разного рода выражений, то в известном нам примере не была сочтена нарушением адвокатской этики вызванная действиями судьи реакция: «Это просто неслыханно в российской или хрен знает какой юриспруденции». Квалификационная комиссия, обратив при этом внимание на взаимное поведение участников судебного разбирательства, пришла к выводу, что данная фраза является обезличенной эмоциональной репликой.

В рассматриваемом контексте полезно привести и известный в юридических кругах конфликтный случай, ставший предметом разбирательства в ЕСПЧ. Адвокат Игорь Кабанов в интересах своего осужденного подзащитного направил в судебные органы жалобу, где, в частности, им использовались следующие выражения: «...Судьи А. и В. привыкли “совместно окучивать ниву правосудия”», «...[Судья А.] мог бы отклеить свою заднюю часть от кресла и доставить ее в помещение Приморского районного суда...», и ряд других подобных. Председатель Архангельского областного суда пожаловался в Совет Адвокатской палаты Архангельской области, ссылаясь на то, что допущенные высказывания являются оскорбительными и не совместимыми с кодексом этики адвоката. По этой причине Кабанов был лишен профессионального статуса, что побудило его обратиться в ЕСПЧ.

Направив в Европейский суд жалобу, Кабанов и там не особенно стеснялся в выражениях, характеризуя ответный меморандум властей как «сказку, рассказанную государственными служащими о независимости судей в Российской Федерации», а также написал о «гэбистском режиме Путина» и «кремлевских ворах».

В результате тщательного исследования обстоятельств дела ЕСПЧ 3 февраля 2011 года вынес постановление, мотивировочная часть которого весьма актуальна для правильного понимания рассматриваемого вопроса. Вот выдержки из решения «Кабанов против Российской Федерации»:

– хотя комментарии являлись грубыми, они касались способа, которым судьи рассматривали дело, в частности его отстранения от исполнения обязанностей защитника Р. в ходе разбирательства уголовного дела и отказа судей принять меры по его надзорной жалобе;

– наказание было несоразмерно суровым для заявителя и могло оказать сдерживающий эффект на осуществление адвокатами своих обязанностей в качестве защитников;

– национальные власти не достигли справедливого равновесия между необходимостью обеспечения авторитета правосудия и необходимостью защиты права заявителя на свободу выражения мнения.

Поскольку ЕСПЧ признал факт нарушения прав заявителя, И. Кабанов был восстановлен в статусе адвоката.

В целом следует заметить, что адвокатской практикой и дисциплинарным производством выработан подход, заключающийся в том, что несоблюдение деловой манеры общения с использованием жаргонных и ругательных выражений допустимо в исключительных случаях и лишь при дословном цитировании доказательств по делу. Впрочем, и с точным воспроизведением доказательственной фактуры возникают иногда определенные сложности.

Большой мастер изящной правовой словесности, известный московский адвокат Борис Кузнецов однажды столкнулся с тем, что его доверитель, журналист Андрей Черкизов, сочтя своего собеседника гр-на Л-ча излишне назойливым, послал того в числе группы других присутствовавших при разговоре лиц по хорошо известному в России трехбуквенному адресу. Как затем выяснилось, оскорбленный гражданин был дока по части разного рода обращений в суд, и мимо этого знаменательного повода он, естественно, пройти не мог. Так появилось дело о компенсации морального вреда, где адвокат для отстаивания интересов клиента избрал метод физиолого-морфологического разбора выражения, употребленного журналистом. Ниже на основе книги Бориса Кузнецова «Записки адвоката-камикадзе» приводятся некоторые выдержки из родившегося на свет процессуального документа, оглашенного в суде в качестве возражения на иск.

«Защита не исключает, что направление движения по указанному ответчику направлению в группе лиц могло не причинить истцу моральный вред, или он может быть существенно снижен, т. к. речь идет о затрагивании не индивидуальных, а групповых интересов, кроме того, опыт хождения в указанном направлении у российских граждан достаточно велик еще с советских времен и не вызывает негативной реакции, вследствие естественной психологической адаптации к этому направлению движения, которое сначала указывалось ЦК КПСС и Советским Правительством, а в постсоветское время другими должностными лицами, в т. ч. занимающими высшие посты в органах исполнительной и законодательной власти.

...Сам Л-ч является носителем мужского полового органа, который в силу общего уровня развития называть его иным словом, кроме как указанным в и. 1 настоящих возражений, не может. Называть его “penis” Л-ч не может, т. к. не владеет латинским языком. Этот вывод я делаю, ознакомившись с текстом искового заявления, судя по которому он и русским языком не владеет в достаточной мере, т. е. не может понятным и доступным для судейского понимания языком объяснить: куда же его послали.

...Л-ч известен в Москве многочисленными жалобами и исковыми заявлениями, которые он подает в суды и правоохранительные органы по различным поводам и без них. Ему неоднократно отказывали в исках, не удовлетворяли его жалобы, тем самым судьи, следователи и прокуроры неоднократно, на протяжении значительного промежутка времени посылали Л-ча в официальных документах в том же направлении, куда его послал А. Черкизов, правда, без упоминания названия, указанного в п. 1 настоящих возражений. Я не сомневаюсь, что между собой, а также про себя те же должностные лица посылали Л-ча с упоминанием названия мужского полового члена, указанного в п. 1 настоящих возражений...

ВЫВОД: По мнению защиты, судебным решением Л-ч должен быть еще раз послан в том же направлении в явной форме без ссылки на конкретный адрес и без употребления слова, указанного в п. 1 настоящих возражений».

Любопытно, что в числе посещавшихся впоследствии гражданином Л-чем московских заведений юстиции был и Хамовнический суд, куда на процесс по делу Михаила Ходорковского и Платона Лебедева он приходил довольно часто. В этом месте отправления столичного правосудия он вел себя по-свойски и даже довольно резко разговаривал с судебными приставами, если те делали ему замечания. Л-ч в перерывах задавал интересовавшие его по нашему делу вопросы защитникам, рассказывал об очередных затеянных им тяжбах. Видимо, он хорошо усвоил урок, преподанный адвокатом Кузнецовым, и согласился с доводом об обыденности для России приглашать оппонента в случае необходимости проследовать в эротический пеший тур, поскольку в один из дней сам послал туда другого завсегда нашего процесса, излишне активно навязывавшего ему свои взгляды на специфику судопроизводства.

Каюсь, пишущий эти строки также не всегда соблюдал должный этикет и в пылу горячности либо на суде, либо сразу после заседаний в интервью прессе позволял себе выпустить пар и «заклеймить позором и нехорошими словами» представителей противной (теперь уже в содержательном смысле) стороны. Моральной индульгенцией для этого служили слова правоведа дореволюционных времен П. Сергеича (Петра Пороховщикова), сказанные в его популярной до нынешних дней среди юристов книге «Искусство речи на суде». «Резкое выражение никогда не будет поставлено в вину искреннему оратору, – писал опытный мастер, хотя и с оговоркой: – Но резкость не должна переходить в грубость»²².

Насколько непросто велись дебаты между адвокатами и обвинителями, можно судить, например, по такому эпизоду. Второй день допрашивался свидетель защиты, гражданин Франции, бывший член совета директоров ОАО «НК «ЮКОС»» Жак Косьюшко-Моризе. За это время прокурор Валерий Лахтин успел многократно перебить свидетеля, говорившего не устраивающие его вещи, а также обвинить его в ангажированности и прочих прегрешениях. Характерен фрагмент протокола судебного заседания за 9 июня 2010 года, где зафиксировано, как прокурор требует от судьи фактически заставить выступающего под формально благовидным предлогом прекратить давать правдивые показания:

«Председательствующий: Вы хотите, чтобы я запретил свидетелю говорить?

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Да (!!! – *К. Р.*), я настаиваю на том, чтобы Вы настроили (!!) свидетеля давать показания об обстоятельствах, подлежащих доказыванию».

И еще одна красноречивая цитата:

«Свидетель Косьюшко-Моризе Ж.: Я могу следующее сказать, Ваша честь. За последние 20 минут прокуратура меня оскорбила примерно 20 раз. Вот этот последний вопрос заключается в том, что меня спрашивают, честный я человек или жулик.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Так пусть ответит, честный человек или жулик?

Председательствующий: Валерий Алексеевич, я Вам делаю замечание».

И вот в такой напряженной обстановке защита пытается продолжать допрашивать свидетеля, одновременно демонстрируя суду существенные для установления истины обстоятельства и борясь с методами, применяемыми обвинением:

«Защитник Ривкин К.Е.: ... Пользуясь случаем, обращаю внимание, что, когда прокуроры и следователи дают оценку нашим подзащитным, это не вызывает истерических криков, а когда свидетели со стороны защиты делают аналогичное, господин Лахтин тут прыгает, как мячик, до потолка.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, замечание прошу в протокол занести!

---

²² П. Сергеич. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 34.

Председательствующий: Константин Евгеньевич, воздержитесь от подобных утверждений.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Он оскорбляет должностное лицо при исполнении служебных обязанностей!

Защитник Ривкин К.Е.: Иногда бывает очень трудно сдерживаться.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: А я подумаю, делать мне заявление или нет, либо в правоохранительные органы, либо в соответствующие службы.

Защитник Ривкин К.Е.: Подумайте, иногда бывает не вредно... Господин Косьюшко, послушайте, пожалуйста, что написано в обвинительном заключении...

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: Ваша честь, это же не доказательство, обвинительное заключение!

Защитник Ривкин К.Е.: Это вообще бред».

Впрочем, приведенный пример далеко не исчерпывает вариации на тему о словесных баталиях, происходивших в судах. Конечно, до откровенных персональных оскорблений, звучавших из уст защитников, не доходило, но «на грани фола» оценки действиям противника, когда они того безусловно заслуживали, давались.

Так, к примеру, когда выявленная на первом процессе в Мещанском суде беспардонная фальсификация документа, приписанного Платону Лебедеву, была разоблачена и передана гласности, и, несмотря на это, прокурор Дмитрий Шохин сослался на фиктивное доказательство в прениях сторон, в ответ он услышал целую серию нелицеприятных выражений в свой адрес. В Хамовническом суде, после того как прокурор Валерий Лахтин устроил очередное форменное издевательство над приглашенными защитой специалистами, свидетелями из числа иностранных граждан и даже переводчиком, автор этих строк в обращении к суду по поводу происходящего счел возможным помимо прочего сообщить, что один из зарубежных гостей, присутствовавших на процессе, наблюдая за прокурором, назвал того «факером»²³, и на наш взгляд человека, не искушенного в тонкостях английского языка, это, вероятно, довольно точная характеристика невоспитанного гособвинителя, чье поведение выходит за все допустимые границы.

Среди эпитетов, которыми награждалось защитой содержание обвинения по нефтяному эпизоду, были такие, как шизофрения, бред, глупость, фальсификация; представлявших государственное обвинение лиц окрестили «ОПГ», что расшифровывалось как «организованная прокурорская группа», а про поступки отдельных ее членов говорилось как о хамстве, издевательстве, процессуальном хулиганстве, крайней невоспитанности, помноженной на мракобесие и властную вседозволенность, наличию откровенной судейско-прокурорской круговой поруки.

Только в одном процессуальном документе – заявлении об отводе судьи Хамовнического суда Виктора Данилкина, заявленном в июле 2010 года, – защита использовала такие выражения, как «цинично-абсурдное, безмотивное и систематическое отторжение всего доказательственного материала, собранного адвокатами», «издевательский по отношению к закону и нашим подзащитным характер действий председательствующего». Говорилось также, что «председательствующий в своих действиях руководствуется какими-то иными порядками и нормами – например, времен инквизиции и средневекового варварства либо времен сталинских репрессий, участие в которых покрыло несмылаемым позором многих судей и прокуроров». Констатировалось, что «гремучая смесь революционной ненависти и карьеризма предопределяет по настоящему делу позицию стороны обвинения, а вслед за ней – и суда».

---

²³ Одна из самых мягких вариаций перевода с английского – негодай.

Насколько обоснованны были такие выражения, судить в первую очередь тому, кто присутствовал на процессах над Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым и наблюдал за тем, что иначе как судебной вакханалией охарактеризовать сложно. Впрочем, только судами первой инстанции лингвистические сражения на повышенных тонах не заканчивались.

На заседании Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда, 24 мая 2011 года рассматривавшей кассационные жалобы стороны защиты на обвинительный приговор Хамовнического суда, адвокаты также не считали возможным для оценки произошедшего и его истинных движущих причин использовать исключительно ласкающие слух выражения. Адвокат Юрий Шмидт в лицо членам коллегии заявлял, что «судебное разбирательство является имитацией справедливого суда, а по сути – продолжением **расправы над Ходорковским и Лебедевым**, в реальности осуществляемой руками должностных лиц следственных органов и прокуратуры с 2003 года».

Адвокат Вадим Ключвант обращал внимание на **наличие нерушимого единства беззакония и лжи, чтобы под прикрытием формы судопроизводства придать видимость хоть какого-то приличия расправе над невиновными людьми и любой ценой не давать им выйти из тюрьмы.**

Адвокат Алексей Мирошниченко обрисовал в своем выступлении некий замкнутый круг: по судебной-прокурорской логике, наши подзащитные виновны потому, что судом так написано, а судом так написано потому, что виновны. «Вот и вся нехитрая **журльническая подоплека жестокой “спецоперации” власти по “невыпуску” наших клиентов из тюрьмы...** Если вся эта **бесстыдная халтура** законна и обоснованна, то остается тосковать и негодовать от безысходности, связанной с невозможностью уповать на закон в системе московского правосудия».

Именно после выступления Мирошниченко председательствующий судья Владимир Усов счел нужным сделать предостережение, прозвучавшее, согласно аудиозаписи, так: «Я бы просил сторону защиты, все-таки как-то более корректные надо слова подбирать, да? А то как-то не очень звучит, да. Адвокаты должны говорить без пафоса, без пафоса. Пафос нам не нужен, одна истина».

Впрочем, какова цена истины, за которую так ратовал председательствующий на кассационном процессе, мы теперь хорошо знаем.

§ 4. Адвокаты под ударами противника

Время от времени, когда в прессе появлялись не репортажи из зала суда о текущих событиях, а некоторые обобщенные эссе, журналисты в числе прочего делились в них своими впечатлениями от наблюдений за адвокатами. Особое внимание уделялось внешним атрибутам, которые должны были свидетельствовать, по замыслу авторов, об успешности и состоятельности. Предметом оценки становились костюмы у мужчин и платья у женщин, наручные часы, ноутбуки. Естественно – марки автомашин, хотя здесь адвокатам-автолюбителям иногда приписывались чужие произведения импортного автопрома.

Клеймо элитарности прочно было выжжено на обликах членов команд защитников Ходорковского и Лебедева огнем всезнающего журналистского слога. При этом доходило до смешного. На одно из первых рассмотрений в Басманном суде стражных вопросов в отношении Лебедева я прибыл на метро, опасаясь из-за традиционных московских пробок опоздать на заседание. Оно затянулось до позднего вечера, и когда всё закончилось, я дошел до станции «Красные Ворота», спустился на платформу и стал ждать поезда. И здесь я обратил внимание, что стоящая неподалеку молодая женщина внимательно и изумленно меня разглядывает. Приглядевшись, я узнал одну из журналисток, присутствовавших в Басманном суде. «Вы ездите на метро?!» – в ее вопросе звучало несказанное удивление. Представить себе, что человек, защищающий самых богатых людей страны, пользуется общественным транспортом, было выше ее сил. Думаю, что я бы еще больше разочаровал журналистку, если бы она узнала, что на процесс в Хамовническом суде я вообще ни разу за полтора года не приезжал на машине по причине его отдаленности от места моего проживания и плотной загруженности окружающих улиц.

Конечно, как говорится, приbedняться не стоит, поскольку в число защитников были приглашены специалисты с опытом, знанием и авторитетом в юридических кругах. Если посмотреть время от времени появляющиеся в СМИ рейтинги самых известных отечественных адвокатов, то немалую их часть занимают те, кто участвовал в юкосовских делах. Так, из 30 представителей адвокатского сообщества, обозначенных как «лучшие адвокаты России» в международном издании, газете «Совершенно секретно» (2012 г., апрель, № 4), десять работали по различным направлениям «дела ЮКОСа». Еще ранее, в самый разгар судопроизводства по первому делу Ходорковского и Лебедева, в списке «Наиболее известные адвокаты России», опубликованном в журнале «Профиль» за октябрь 2004 года таковых насчитывалось 37 процентов общего числа отмеченных.

Однако не следует представлять, что адвокатская деятельность сплошь усыпана розами и денежными купюрами, которые, кстати, так любят считать в чужих карманах прокуроры и следователи. Адвокат в современных условиях все чаще и чаще становится мишенью для притеснений со стороны своих процессуальных оппонентов или служб, с ними взаимодействующих. Проблема воспрепятствования профессиональной деятельности адвокатов стала настолько острой, что 1 февраля 2011 года специально обсуждалась на заседании Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, по итогам которого Дмитрий Медведев давал распоряжение генеральному прокурору РФ проверить все факты нарушений прав адвокатов и применить к виновным меры, предусмотренные законом.

В 2005 году Общероссийское общественное движение «За права человека» опубликовало специальный доклад, где приводились примеры фальсификации уголовных дел против наиболее активных защитников, проведения обысков на их рабочих местах, незаконных вызовов на допросы, иных провокационных действий.

Особо в рассматриваемой связи следует отметить адвокатов, непосредственно работавших с ЮКОСом, чья судьба сложилась не самым лучшим образом. Они, как истинные профессионалы, к тому же лучше других владеющие объективной информацией о событиях, затем искусственно криминализированных, самоотверженно бросились на защиту Михаила Ходорковского и Платона Лебедева.

Напомню, что из числа работавших с ЮКОСом лиц с адвокатским статусом меры уголовного воздействия применялись к **Василию Александяну, Дмитрию Гололобову, Елене Аграновской, Павлу Ивлеву, Андрею Николаеву-Полыновскому.**

Не обошлось без посягательств на профессиональную деятельность и тех, кто непосредственно входил в команды защитников Ходорковского и Лебедева. Таких случаев было немало. Вот некоторые из них.

Незаконный обыск. 9 октября 2003 года бригада следователей Генеральной прокуратуры РФ произвела обыск в помещении, занимаемом Адвокатским бюро «АЛМ Фельдмане», в одном из зданий в подмосковной Жуковке. В ходе обыска следователями были изъяты и затем приобщены к материалам уголовного дела в качестве доказательств документы, составляющие адвокатские досье по различным категориям дел, по которым адвокатами данного адвокатского образования оказывалась правовая помощь своим доверителям.

Обыск в адвокатском бюро производился **незаконно**, поскольку **на его производство не была истребована санкция суда.** Следствием грубо нарушены прямые и четкие указания статьи 8 закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» о том, что «проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается **только на основании судебного решения**». Кроме того, закон предусматривает, что «полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий... сведения, предметы и документы **могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей**».

Ранее, 3 октября 2003 года, когда члены той же следственной бригады проводили обыск по тому же адресу в помещениях, занимаемых иными организациями на других этажах здания, они были уведомлены адвокатами, что на 4-м этаже находится Адвокатское бюро «АЛМ Фельдмане», следственные действия на территории которого можно проводить, только получив на это разрешение суда. Несмотря на предупреждение о необходимости соблюдения требований закона, 9 октября 2003 года **следователи обыскали Адвокатское бюро «АЛМ Фельдмане» без санкции суда.**

То, что обыск производился в помещении, занимаемом адвокатским образованием, прямо свидетельствовал и протокол этого следственного действия, где уже на его первой странице имеется запись о том, что обыск произведен на 4-м этаже, арендуемом Адвокатским бюро «АЛМ». В свою очередь, далее в протоколе указано: «...рядом с входом в кабинет № 1 в холле находится шкаф, на котором наклеена бирка с текстом: “Рабочие документы **адвоката Дреля А.В.**”». Кроме того, следователями был задокументирован факт обнаружения в обыскиваемом помещении адвокатского бюро папок с материалами, собранными адвокатами для работы по уголовному делу № 18/41-03.

Совершенно очевидно: следователи не могли не осознавать, что изымают документы, **входящие в производство адвокатов по делам их доверителей**, о чем свидетельствуют не только содержание и названия этих документов, но также и обозначения на папках, в которых они хранились: «Позиции по клиенту», «Краткое описание сделки», «Проект договора о предоставлении административных услуг», «Юридические заключения» и т. д. Показательно и то, что в обвинительном заключении по первому делу в отношении Ходорковского

и Лебедева следствие, ничуть не стесняясь, называло найденное при обыске не иначе как «изъятими документами в Жуковке, 88, у адвоката Дреля».

Факты беззакония, допущенные следствием при обыске, были описаны **адвокатом Антоном Дрелем** в его обращении от 10 октября 2003 года в Адвокатскую палату г. Москвы, где указывалось:

«В течение более чем 10 часов, пока проходил обыск, меня не пускали в здание, однако, когда в 19 часов мне удалось попасть в свой рабочий кабинет, я увидел, что по всему кабинету разбросаны документы из моих конфиденциальных адвокатских файлов. Более того, следователи, которые пришли с обыском в рамках уголовного дела № 18/41-03, то есть в рамках того дела, в котором я допущен в качестве защитника Лебедева П.Л., внимательно изучали материалы моего адвокатского досье с проектом позиции по защите Лебедева П.Л. После того, как я вошел в свое служебное помещение, ст. следователь по ОВД ГП РФ Каримов С.К. в сопровождении вооруженных людей под угрозой применения силы выдворил меня из собственного кабинета.

Необходимо отметить, что при проведении обыска никто из представителей Адвокатского бюро «АЛМ Фельдмане» не присутствовал. Адвокат Пшеничная Е.И., у которой был ордер и доверенность от собственника помещения, была в грубой и бесцеремонной форме выведена из здания под угрозой применения силы. Также не были допущены в здание члены Адвокатской палаты г. Москвы адвокат Тарасов А.С., у которого, в частности, в уголовном деле № 18/41-03 находится ордер на представление интересов владельцев здания, и адвокат Абушахина А.Е., у которой имелся ордер на представление моих интересов.

В нарушение требований ст. 182 УПК РФ ни я, как лицо, в помещении которого производился обыск; ни его защитник; ни адвокат лица, в помещении которого производился обыск, к участию в обыске допущены не были».

Адвокат Антон Дрель в том же обращении особо подчеркнул следующее: «По результатам проведенного обыска констатирую, что следователями были изъяты все мои конфиденциальные адвокатские файлы с информацией, полученной от клиентов. Также были частично изъяты: мои записи по делу, связанному с защитой Лебедева П.Л., мой компьютер с хранившимися в нем адвокатскими файлами в электронной форме, мой мобильный телефон с электронной записной книжкой».

Реагируя на данный случай, Совет Адвокатской палаты г. Москвы в октябре 2003 года указывал на необходимость «считать действия Генпрокуратуры РФ, выразившиеся в незаконных обыске и выемке у адвоката, нарушением УПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»».

Когда же защита обратила внимание Мещанского суда на несанкционированный обыск и использование обвинением незаконно изъятых при обыске в Адвокатском бюро «АЛМ Фельдмане» документов из производства адвокатов по делам их доверителей, судьи в приговоре в ответ сообщили, что считают доводы адвокатов надуманными и несостоятельными и признают как проведение самих обысков, так и их протоколы обысков соответствующими требованиям уголовно-процессуального законодательства.

Позднее, 6 октября 2005 года, следователи Генеральной прокуратуры РФ провели обыски в помещениях, занимаемых общественной организацией «Открытая Россия». И под этим предлогом без санкции суда обыскали находившиеся на той же территории кабинеты адвокатов, осуществлявших защиту Михаила Ходорковского, – **Альберта Мкртычева** и **Дениса Дятлева**. В результате следствием были изъяты адвокатские досье, изымавшиеся целыми коробками с надписью «Материалы защиты по уголовному делу № 18/72-03». До начала проведения обыска помощником адвоката было объявлено, что помещение арендуется адвокатом Мкртычевым на основании договора аренды и в кабинете содержатся документы защиты. Результатов это не возымело.

Допросы адвокатов. В октябре 2003 года адвокаты **Антон Дрель** и **Василий Александриян** получили вызовы на допросы в качестве свидетелей по уголовному делу № 18/41-03 в Генеральную прокуратуру РФ. По этому поводу 17 октября 2003 года Советом Адвокатской палаты г. Москвы было вынесено решение, которым указанным адвокатам было запрещено являться на допросы по повесткам по уголовному делу, где они принимают участие в качестве защитников.

Однако позже, вопреки предписаниям закона, следователи по делам их клиентов допрашивали адвокатов Адвокатского бюро «АЛМ Фельдмане» Павла Ивлева, Елену Аграновскую, Наталью Петросян и других. Затем дошла очередь и до Василия Александрияна. Доводы о противозаконности таких действий следователи пропускали мимо ушей.

Досмотры в учреждениях ФСИН. Одной из форм противоправного контроля за работой адвокатов со стороны правоохранительных органов являлся досмотр с целью выявить документы, содержащие адвокатскую тайну, и ознакомиться с ними. Такому досмотру силами сотрудников СИЗО «Матросская Тишина» подвергались адвокаты Юрий Шмидт и Евгений Бару. Изъятые материалы из адвокатского досье возвращались впоследствии им следователями, ведущими дела Ходорковского и Лебедева.

В один из дней ноября 2003 года защитник М. Ходорковского, молодой адвокат Ольга Артюхова, была при выходе из того же СИЗО задержана и принудительно подвергнута личному досмотру с изъятием записки, затем почему-то поименованной «Руководством по противодействию следствию», хотя это были ее рабочие записки. В итоге конфликтной ситуации Управление юстиции Москвы потребовало лишить Артюхову адвокатского статуса, в чем адвокатской палатой было отказано в связи с отсутствием оснований. Тогда преследователи адвоката обратились в Пресненский суд, настаивая на своем требовании. Ольга Артюхова была вынуждена добровольно написать заявление о выходе из состава адвокатов, и Михаил Ходорковский таким образом лишился одного из своих защитников.

В краснокаменной колонии, куда после приговора Мещанского суда был отправлен Ходорковский, пытавшихся попасть к нему на свидание двух адвокатесс несколько раз представители администрации под видом «досмотра» заставляли раздеваться практически догола. По рассказам одной из принужденно обнажавшихся, накануне данного действия она как раз приобрела и надела красивое французское нижнее белье. И поскольку план побега Ходорковского в естественных складках тела или на нем самом ни разу обнаружен так и не был, остается только предполагать, что проявившие незаурядный интерес к интимному одеянию московской гостьи работницы колонии неоднократно «досмотрами» просто давали возможность каждой последующей смене получить эстетическое удовольствие от созерцания импортной швейной продукции.

Кроме того, как-то после свидания с Ходорковским у одной из защитниц сотрудники колонии отобрали тетрадь с адвокатскими записями и страшно негодовали, обнаружив, что часть их велась стенографически, а часть – на английском языке. Хотя в основном это были списки вещей и продуктов, о передаче которых просил подзащитный. После этого случая в административном корпусе колонии появилась табличка с предписанием всем посетителям говорить и писать только по-русски...

Инициирование дисциплинарных производств с угрозой лишения статуса. После вынесения Мещанским судом обвинительного приговора в кассационной инстанции Мосгорсуда сложилась такая ситуация, когда Михаил Ходорковский считал необходимым, чтобы его интересы представлял и выступал перед членами судебной коллегии только адвокат Генрих Падва. Другие защитники на это уполномочены не были.

Между тем Падва оказался на излечении в больнице, в связи с чем горсуд, невероятно куда-то спешивший, попытался принудительно вовлечь в кассационный процесс кого-либо из команды, работавшей в Мещанке. Доходило до откровенных глупостей: в офис питерского адвоката **Юрия Шмидта** пришло сообщение, что он определен Ходорковскому адвокатом по назначению! Естественно, что профессионал со столь большим опытом на такой примитивный прием не отреагировал.

Тогда уже в самом зале судебного заседания была предпринята попытка навязать участие в рассмотрении кассационной жалобы присутствовавшим там в качестве зрителей **Елене Левиной, Денису Дятлеву и Антону Дрелю**. Председательствующий не постеснялся заявить, что Михаил Ходорковский против этого не возражает, хотя тот на самом деле говорил абсолютно противоположное. Адвокаты, естественно, отказались, объяснив судьям понятную даже студентам простую вещь: защитника по закону выбирает подсудимый (обвиняемый, осужденный), ни у кого из них нет полномочий представлять его интересы, а выбранный Ходорковским адвокат Падва все еще находится в медицинском учреждении.

Такой отказ стал поводом для очередного обращения органов юстиции с негодующими претензиями в Адвокатскую палату Москвы. Однако сначала квалификационная комиссия, а затем и Совет палаты не усмотрели в действиях защитников нарушений закона об адвокатуре и кодекса профессиональной этики. Аналогичная участь постигла и «телегу» на адвоката **Юрия Шмидта**, направленную в Санкт-Петербург.

А при расследовании второго уголовного дела жалоба поступила на **Каринну Москаленко**. В феврале 2007 года она, прибыв в Читу, оговорила с М. Ходорковским, что сосредотачивается в своей работе на подготовке материалов для ЕСПЧ, в связи с чем в ее регулярных визитах к месту проведения следствия и подробном ознакомлении с материалами уголовного дела нет необходимости. Об этом в письменном виде было уведомлено следствие, однако руководителя группы следователя Салавата Каримова не устроило, что в этом случае адвокат не расторгает с Михаилом Ходорковским соглашение!

Надо ли говорить, что согласно УПК РФ ознакомление с делом есть не обязанность, а право как адвоката, так и подзащитного, и навязывать насильно данное процессуальное действие закон не позволяет. А уж вопрос о заключении или расторжении договора с адвокатом – это и вовсе сфера отношений, очень далекая от вмешательства следователя.

И когда описываемая ситуация усугубилась выловом в аэропорту вылетающей из Читы в Москву **Каринны Москаленко** с требованием дать подписку о неразглашении данных предварительного следствия под угрозой, как она рассказывала, недопуска на рейс²⁴, в ход пошла «тяжелая артиллерия». Для известного и авторитетного адвоката не пожалел бумаги заместитель генерального прокурора РФ Виктор Гринь, предложивший Главному управлению Федеральной регистрационной службы Минюста РФ направить в Адвокатскую палату Москвы представление о прекращении статуса **Москаленко**. Документ стоит того, чтобы его хотя бы частично процитировать: «Ссылки на занятость в другом деле не могут явиться основанием к уклонению от выполнения обязанностей по защите интересов обвиняемого, поскольку организация рабочего времени и объем нагрузки определяются адвокатом самостоятельно. Неспособность защитника обеспечить выполнение принятых им самим поручений доверителей следует рассматривать как нарушение норм кодекса профессиональной

---

²⁴ В эти дни пресса писала: «Новый инцидент произошел в читинском аэропорту с адвокатом Карпиной Москаленко. Сначала сотрудник аэропорта обнаружил желание осмотреть уже сданный багаж адвоката, потом у него возникли вопросы к правильности оформления билета. Кроме того, Каринну Москаленко предупредили, что ее могут снять с единственного рейса в Москву. По словам адвоката, ситуация могла закончиться ее задержанием. “После того как выяснилось, что у меня все нормально, ко мне подошел следователь и под давлением получил подпись о неразглашении материалов дела. Ситуация, конечно, была неприятная”, – заявила Каринна Москаленко агентству “Интерфакс”».

этики адвоката. Отказ адвоката Москаленко К.А. от принятой на себя защиты интересов обвиняемого Ходорковского М.Б. и уклонение от дачи в установленном законом порядке подписки о неразглашении данных предварительного следствия свидетельствуют о грубом нарушении адвокатом норм уголовно-процессуального законодательства, а также своей профессиональной обязанности честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителей».

Думаю, что у прочитавших такие строки теперь не останется сомнений в том, что истинным защитником обиженных и оскорбленных, включая тех, кого лишили свободы, на самом деле является Генеральная прокуратура. Она мгновенно прищучила намеревавшуюся скрыться в Страсбург Каринну Акоповну, когда та пыталась так недостойно уклониться от защиты Михаила Ходорковского. Правда, навязать ей насильно чтение уголовного дела в забайкальских краях так и не удалось: палата не усмотрела нарушений в совершенно правомерных действиях адвоката.

Выдворение из России. В числе иностранных адвокатов, представлявших интересы Ходорковского, находился канадский юрист **Роберт Амстердам**. Он не однажды бывал в Мещанском суде в дни процесса, давал интервью журналистам, готовил некоторые справочные материалы для российских адвокатов, участвовал в отдельных рабочих совещаниях.

Его отличительной чертой была жесткость в суждениях и вытекающая отсюда нелюбимая оценка всего того, что он наблюдал как происходящее у него на глазах по «делу ЮКОСа». Давая **15 сентября 2005** года интервью в программе «Эхо Москвы», **Амстердам** сказал: «Я считаю необходимым освещать не только само дело Ходорковского собственно, а вообще новую систему власти в России, к чему это приводит. Это власть, которая борется против своих же граждан, борется против истины. Нужно, чтобы Запад понимал это». А чуть позже добавил: «Атака на Ходорковского и на ЮКОС уничтожает легитимность этой власти в России».

В ночь с **22 на 23 сентября 2005** года в гостиничный номер **Роберта Амстердама** пришли пятеро в гражданской одежде и заявили, что он нарушил российское законодательство, а затем потребовали его паспорт. Примчавшейся срочно на помощь Карпине Москаленко эти люди отказались представиться, и она затем называла их «неопознанными сотрудниками неопознанных правоохранительных органов».

О последующих событиях днем того же дня Москаленко рассказала следующее: «Ему при мне швырнули паспорт, и в этом паспорте я увидела печать “погашено”». Печать принадлежала паспортно-визовой службе ЕУВД Москвы, и это означало необходимость для Роберта Амстердама покинуть страну.

Он успел дать пресс-конференцию, где не только рассказал о своем выдворении («В этой стране прокуратура пользуется криминальными способами. Это системное явление, которое набирает обороты»), но и высказался по поводу решения кассационной коллегии Мосгорсуда: «Это судопроизводство тех, кто украл ЮКОС».

24 октября 2005 года *Financial Times* по поводу произошедшего с канадским адвокатом написала: «Роберт Амстердам, правозащитник и юрист из команды Ходорковского, был изгнан из России якобы за нарушение визовых правил. Это, вкуче с нарушениями, допущенными в ходе судебного процесса, показывает, что России все еще далеко до создания независимой судебной системы и преодоления наследия **70** лет коммунизма».

Попытка возбудить уголовное дело. На отдельных этапах защиты Платона Лебедева его интересы представляла адвокат Елена Львова, участвуя в предварительном слушании в Мещанском суде, а также в одном из разбирательств в Конституционном суде РФ.

Затем, когда началось уголовное преследование Василия Алексаняна, она приняла на себя его защиту.

С присущей ей энергией Львова так активно отстаивала интересы своего подзащитного, помещенного к тому времени в следственный изолятор, что в феврале 2008 года тогдашний директор ФСИН Юрий Калинин в письменном виде одновременно потребовал от Федеральной палаты адвокатов РФ рассмотреть вопрос о соответствии защитницы статусу адвоката, а также предложил Следственному комитету возбудить в ее отношении уголовное дело о клевете. Негодование главного тюремно-колониального начальника вызвали высказывания Львовой в прессе о том, что Алексаняну в СИЗО не оказывается надлежащая медицинская помощь. Вот как об этом было сказано в письме от 4 февраля 2008 года № 10/1-320 на имя главы СКП РФ Александра Баstryкина: «В течение длительного времени адвокат Львова Елена Юлиановна, являющаяся защитником Алексаняна В.Г., в своих публичных выступлениях, в том числе в средствах массовой информации, допускает клеветнические заявления, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию как сотрудников уголовно-исполнительной системы, так и работников органов прокуратуры Российской Федерации, осуществляющих надзор за исполнением законов администрациями мест содержания заключенных под стражу. Фактически Львова обвиняет руководство и сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний, а также органов прокуратуры Российской Федерации в умышленных действиях, направленных на физическое уничтожение ее подзащитного».

Таким образом, могущественная ФСИН вместо того, чтобы бросить все силы на обеспечение надлежащего содержания арестованных и их медицинское обслуживание, стала бороться с женщиной-адвокатом, открыто заявившей о наличии опасности для жизни и здоровья своего доверителя. Опасности очевидной, о чем неоднократно заявлял сам Алексанян, а затем и подтвердил ЕСПЧ.

Тем не менее Следственный комитет начал по заявлению Калинина доследственную проверку, продолжавшуюся без малого два месяца. К моменту завершения ее материалы насчитывали три толстых тома различных медицинских документов, объяснений, справок и т. д.

Сам Василий Алексанян расценивал происходившее со Львовой как попытку лишить его опытного и энергичного защитника накануне рассмотрения уголовного дела в Симоновском суде Москвы, а также мстить лично ему за обращение в ЕСПЧ и обозначенные там претензии к российским властям, затрагивающие интересы ФСИН. В письме от 26 марта 2008 года на имя проводившего проверку следователя он писал, что предметом возмутительной травли адвоката Львовой является занимаемая защитой позиция по вопросам, связанным с его лечением и законностью содержания под стражей. Здесь же Алексанян заявил, что подобным образом его ставят перед альтернативой – «либо согласиться с тем, что меня всегда квалифицированно и со знанием дела лечили в подведомственных Калинин Ю.И. учреждениям (что неправда), или я от лечения умышленно отказывался, когда мне предлагали такое лечение (что тоже неправда), сообщая тем самым адвокату “заведомо” ложные сведения»... Василий Алексанян настолько болезненно воспринял попытку расправиться с добросовестно защищающим его адвокатом, что вынужден был оценить обозначенный выбор как «очередную психологическую пытку, быть может, самую изощренную из всех, которые я перенес, находясь под стражей».

В итоге в возбуждении дела в отношении Елены Львовой было отказано за отсутствием в ее действиях состава преступления. А органы адвокатского самоуправления даже не стали рассматривать по существу обращение о привлечении ее к дисциплинарной ответственности.

* * *

Следует отметить, что адвокат, из-за своего предназначения уже давно попавший в группу риска, порой подвергается опасности и без видимых на то причин, в отсутствие коварно выношенного замысла процессуальных противников. Как говорится, просто на ровном месте.

Помнится, мы с коллегой адвокатом Евгением Бару в первый раз приехали в популярный поселок Харп к колонии, куда был распределен Платон Лебедев после приговора Мещанского суда. Подъехав к КПП, сообщили по переговорному устройству цель своего визита и стали ждать вызова. На небольшой площадке перед въездом в колонию нас оставалась ожидать арендованная машина с водителем. Бару отошел покурить, и тут ко мне приблизился появившийся откуда-то сбоку одетый в камуфляжную форму сотрудник колонии из охранно-режимной службы. Задав только один вопрос, наш ли автомобиль стоит на площадке, он тоном, не терпящим возражений, приказал: «Забирайте свою машину и уезжайте отсюда!»

Попытавшись в очень быстром порядке понять, чем вызвано такое не-гостеприимство, а также не без труда подобрав литературные выражения для ответа, я сообщил, что являюсь адвокатом, приехал к своему клиенту, жду приглашения к начальнику колонии и никуда уезжать или уходить не собираюсь. В этот момент нужно было видеть лицо офицера. На нем была написана целая гамма противоречивых чувств: от огромного желания пустить в ход резиновую дубинку и попинать одетыми в «берцы» ногами незваного визитера до явного опасения, что столь желанный вариант продолжения душевной беседы может не пройти даром (потом выяснилось, что вся территория перед КПП просматривается камерами наблюдения). Так или иначе, но сей господин молча удалился, а мы вскоре проследовали в административное здание внутри колонии.

Справедливости ради следует заметить, что применительно к происходившим затем неоднократным контактам с сотрудниками данной колонии самого разного уровня никаких конфликтных ситуаций у адвокатов не было. Вообще «колониальные» отрезки работы защитников с Михаилом Ходорковским и Платоном Лебедевым – это обильная фактура и впечатления еще на целую книгу, а может быть, и не одну. Оставим поэтому задел на перспективу...

Глава III

Вся королевская рать

*«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй»²⁵.
В. Тредиаковский, поэма «Телемахид», 1766 год*

В «деле ЮКОСа» были задействованы едва ли не все виды существующих в стране силовых формирований, таких как оперативные подразделения МВД и ФСБ, следственный аппарат, прокуратура. Активную роль здесь сыграли налоговые органы и служба судебных приставов. В свою очередь, на борьбу с ЮКОСом были брошены мощные силы арбитражей и судов общей юрисдикции. По мере развития ситуации свои специфические задачи решали учреждения Федеральной службы исполнения наказаний и различные спецподразделения, осуществлявшие усиленную охрану Ходорковского и Лебедева.

Из всей этой многочисленной армии правоохранителей мы в первую очередь выделим тех ее типичных представителей, с кем непосредственно пришлось столкнуться при осуществлении защиты по рассматриваемым уголовным делам. Это конечно же следователи и прокуроры. А поскольку они, как уже было сказано, в подавляющем большинстве случаев действовали в трогательном единстве с представителями судейского корпуса, то картина будет неполной, если не поговорить и о судьях. Причем этот предметный разговор дает возможность подискутировать как об общем состоянии нашей уголовной юстиции, так и о проблемах ее отдельных институтов.

Безусловно, мои оценки не будут ни радостными, ни оптимистичными, хотя менее всего хотелось бы мазать одной краской всех, кто сейчас работает в правоохранительных органах. Ранее среди них нередко приходилось встречать высоких профессионалов, принципиальных и неравнодушных людей. Однако за последнее время, по моим наблюдениям, их становится все меньше и меньше. Впрочем, возможно, на субъективном выводе автора сказывается влияние «дела ЮКОСа».

---

²⁵ Перевод фразы на современный русский язык: «Чудовище жирное, гнусное, огромное, многоголовое и лающее».

§ 1. Уголовная политика государства: от НЭПа до ЮКОСа

Несмотря на безусловную уникальность «дела ЮКОСа» в части супермассированной атаки властных структур на одну из лучших и богатейших отечественных нефтяных компаний, все же такая ситуация выпадает из общего ряда лишь масштабом бедствия. Тогда как сами по себе «наезды» представителей государственных органов на частный бизнес давно уже стали обыденностью. При этом без понимания истинных причин данного социально опасного явления невозможно выработать противоядие.

К сожалению, на сегодняшний день есть все основания с уверенностью констатировать, что для бизнес-сообщества создаются такие условия, когда едва ли не любое лицо, занимающееся предпринимательством, может быть подвергнуто уголовным репрессиям со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями. Не случайно в средствах массовой информации все чаще используется такой термин, как «геноцид бизнеса», или подобные ему жесткие выражения. Реалии свидетельствуют о том, что криминально-безжизненные условия для бизнеса активно и небезуспешно насаждаются заинтересованными лицами.

Любопытно рассказанное одним из выступавших на состоявшемся 8 декабря 2011 года в Москве симпозиуме под названием «Уголовная политика и бизнес». Находясь в командировке в Канаде, он привел судье Верховного суда цифру находящихся у нас в стране в колониях предпринимателей, реакция последнего была такова: «Это атака на капитализм». Впрочем, в наши дни уже и в России начинают мыслить подобными категориями. В специально подготовленном докладе, распространенном в июне 2012 года, указывается, что с 2000 по 2009 год уголовной репрессии было подвергнуто более 39 % субъектов предпринимательской деятельности, а также на этом основании резюмируется: «Трудно найти другой пример столь обширной уголовной репрессии в отношении определенного слоя населения или профессиональной группы» («Коммерсантъ», 15 июня 2012 г.). Неудивительно поэтому, что на указанном симпозиуме представитель крупного бизнеса, член Российского союза промышленников и предпринимателей, с огорчением признал, что сейчас у многих его коллег стал популярным принцип – «поскорее распилить и убежать».

Столь категоричные оценки не единичны и свидетельствуют об очень опасной ситуации, наблюдающейся в сфере предпринимательства, подвергаемого постоянным нападениям силовых ведомств. Но всегда ли так было и почему произошел поворот к худшему? Попробую найти ответы в совсем недавней российской истории.

Многие наверняка помнят, что в период перестройки наблюдалась, с одной стороны, попытка реформаторов направить в социально полезное русло активность населения, а с другой – поднять на новый уровень экономику, дела в которой шли с каждым днем все хуже.

Первым, еще довольно робким движением в указанном направлении стал закон от 19 ноября 1986 года «Об индивидуальной трудовой деятельности», по сути разрешавший частное предпринимательство. Еще более смелый шаг на пути к структурно новой экономике был вскоре предпринят путем издания закона от 26 мая 1988 года «О кооперации в СССР». Помимо того что он прямо предусмотрел и узаконил коллективную форму частнопредпринимательской деятельности, данный исторический акт обязал государство всемерно поддерживать кооперативное движение, содействовать его расширению, гарантировать соблюдение прав и законных интересов кооперативов и их членов. Свою весьма положительную роль в совокупности с вышеуказанными нормативно-правовыми актами, безусловно, сыграл и принятый 6 марта 1990 года союзный закон «О собственности в СССР».

В результате, по данным «Экономической газеты» (1992, № 2), уже в период с января по сентябрь 1991 года в производственно-кооперативной сфере трудилось свыше двух милли-

онов человек. Именно в этот период времени М. Ходорковский выбрал, по его словам, «хозрасчетные штучки», уйдя в бизнес и создав Центр научно-технического творчества молодежи (НТТМ), от которого и пошла затем история «менатеповских» структур, разбогатевших и на пике своего развития позволивших приобрести нефтяную компанию «ЮКОС».

Необходимо заметить, что правоохранительные органы действительно в тот период старались не вмешиваться в работу кооперативов, как и других только появившихся частных образований. И хотя нам в свое время не удалось обнаружить каких-либо документальных подтверждений прямых запретов на контроль силовых подразделений за активно нарождавшимся движением, имеются многочисленные свидетельства крайне осторожного отношения государственных министерств и ведомств к явлениям, происходившим в кооперации, что можно объяснить очевидной лояльностью к ним со стороны партийно-правительственных учреждений и их первых лиц, сопровождавшейся также идеологическим обоснованием.

Именно такая благоприятная обстановка, включающая организационную и финансово-экономическую поддержку государства, дала возможность зарождения и постепенного развития системообразующих базовых опор частного хозяйственного сектора, как то: банков, совместных предприятий, внешнеэкономических организаций, акционерных обществ, фондового рынка. Кстати, напомним, что и Платон Лебедев начал свои первые шаги в бизнесе с освоения банковского дела. Согласно его трудовой книжке, он, экономист по образованию, был 2 января 1990 года зачислен на должность финансового директора «Коммерческого инновационного банка научно-технического прогресса».

По моему мнению, первую и весьма мощную атаку государство произвело на бизнес на налоговом фронте. Не случайно аналитики, исследовавшие определенные периоды современной российской экономики, ввели в свое время в оборот термин «налоговый террор». Этот феномен характеризовался, с одной стороны, высокими налоговыми ставками и запутанностью налогового законодательства, а с другой – повышенной и зачастую совершенно необоснованной активностью налоговых органов и впоследствии в бозе почившей налоговой полиции. При этом «налогоблудителям» была заведомо обеспечена завуалированная под социальную полезность мотивировка их нападков на бизнес, и ею они громогласно пользовались: имеется конституционная обязанность каждого платить законно установленные налоги, собираемость которых обеспечивает наполнение государственного бюджета, направляемого на обеспечение нужд государства и общества. Помните регулярно звучавший в те времена популярный слоган – «заплати налоги и спи спокойно»? Однако со сном у добросовестных налогоплательщиков дело обстояло далеко не важно.

Именно во второй половине 90-х годов начали активизироваться представители силовых структур, имевшие свои интересы в предъявлении предпринимателям налоговых претензий, чаще всего совершенно необоснованных. Касательно тех времен мне вспоминается разговор с начальником следственного отдела налоговой полиции, которого я спросил, как его подчиненные собираются доказывать обязательный в таких случаях прямой умысел в действиях моего подзащитного, привлекавшегося по ст. 199 УК РФ по обвинению в уклонении от уплаты налогов с организаций. Ответ был сколь откровенен, столь и циничен: «Ничего доказывать мы не будем. Направим дело в суд, и будьте уверены – он вынесет обвинительный приговор». При этом полицейский начальник озвучил еще одну, крайне актуальную и до сегодняшнего дня мысль. Он сказал: «Я считаю, что человек с того момента, как он дал согласие стать генеральным директором коммерческой фирмы, должен начинать сушить сухари».

От практики частных наездов «правоохранителей» с целью выполнить требуемый начальством план, попутно по возможности пополнить казну, а заодно подзаработать, к госу-

дарственной политике «закошмаривания» бизнеса и огульных «посадок» дело подошло к началу 2000-х годов. К тому времени для уголовных репрессий созрели все условия.

Во-первых, это была необходимость ликвидировать последствия созданного самим государством, а точнее – его первыми лицами, дефолта 1998 года. Не удивительно, что взоры ликвидаторов обратились на частный сектор экономики, откуда предстояло взимать в самых различных формах повышенную дань, попутно почему-то регулярно призывая к социальной ответственности. Для нежелающих понимать свою добровольно-принудительную роль «дойной коровы» среди прочих средств воздействия был припасен и Уголовный кодекс как весьма надежное средство убеждения.

Именно с ним связана вторая причина активности разного рода блюстителей экономического порядка (в их собственном понимании), поскольку к этому времени оперативные, следственные, прокурорские органы и суды наработали определенный опыт апробации новых норм уголовного закона. Речь прежде всего идет о таких составах, включенных в специальную главу 22 УК РФ («Преступления в сфере экономической деятельности»), как незаконное предпринимательство, незаконная банковская деятельность, легализация (отмывание), незаконное получение кредита, фиктивное и преднамеренное банкротство и ряд других.

Ретивость оперативных сотрудников и следователей очень часто доходила до абсурда, когда они, привлекая человека к уголовной ответственности, даже не пытались задумываться над тем, а обладают ли его действия на самом деле хоть какой-нибудь социальной опасностью, наличие которой требует закон, чтобы говорить о совершении именно преступления. Вспоминаю, что едва ли не первое в Москве уголовное дело о легализации выглядело следующим образом. Предприниматель средней руки имел скромный бизнес, относящийся в то время к числу лицензируемых. Незадолго до очередного истечения срока лицензии он подал необходимый пакет документов в лицензионный орган, но тот выдачу разрешения затянул. В результате коммерсанту около двух месяцев пришлось работать без лицензии. Прознавшие об этом сотрудники милиции возбудили против него уголовное дело о незаконном предпринимательстве (ст. 171 УК в старой редакции), а затем еще и обвинили в легализации (ст. 174-1), усмотрев такие действия в уплате налогов (!) с доходов, полученных за указанные 2 месяца!!

Наконец, третьей и, пожалуй, самой главной причиной явилось усиление в составе правительства сторонников антирыночного направления, стоявших, говоря словами бывшего вице-премьера и министра финансов Алексея Кудрина, за «глубокое госучастие» («Ведомости», 12 декабря 2011 г.). Именно эти люди, обладающие большой властью и широкими полномочиями, направили свою деятельность на передел уже сложившегося рынка в пользу чиновничье-государственного аппарата, при этом, безусловно, не забывая о своих собственных своекорыстных интересах.

Вспоминаю, как примерно в те времена один мой знакомый, вращавшийся в «верхах», помимо прочего в разговоре сообщил, что «там» зреет идея создания мощной нефтяной государственной корпорации. Впрочем, особым секретом это не являлось. Если взять в архиве, например, журнал «Компания» за апрель 1999 года (№ 13), то в статье под весьма красноречивым названием «Без государства в России долго не живут» как раз и обсуждались варианты возникновения такой структуры. По этому поводу здесь было безапелляционно сказано: «То, что такая компания рано или поздно будет создана, – сомнению не подлежит». В качестве одной из платформ для формирования государственной нефтяной компании (ГНК) довольно прозорливо указывалась «Роснефть». И даже применительно к методам создания госмонстра авторы делали весьма точный прогноз: «...государственная компания на то и государственная, что государство имеет возможность при необходимости подключить к решению своих проблем органы, весьма далекие от управления нефтяной отраслью». В под-

тверждение этих слов давалась ссылка на брифинг в МВД РФ, где заместитель начальника главка по борьбе с экономическими преступлениями привел несколько коммерческих структур в качестве примера «неправильной» приватизации и в связи с этим не исключил возможности ее пересмотра в отношении этих компаний. В статье далее говорилось: «Надеемся, что все догадываются, где эти компании окажутся в случае пересмотра итогов приватизации – естественно, в ГНК».

Интересно, кому из прочитавших эти строки не известно, что в итоге жертвой для заклания стала нефтяная компания «ЮКОС», чьи руководители отчасти оказались за пределами страны, а отчасти – в местах, «не столь отдаленных», с букетом составов преступлений, которыми обильно насыщены разделы УК, посвященные посягательствам на собственность и нарушениям в области экономической деятельности. А сама преуспевающая компания была на основе весьма сомнительных налоговых претензий обанкрочена и при помощи явно подставных современных «рогов и копыт» под громким названием «Байкал-финансгрупп» скуплена на корню уже упоминавшейся «Роснефтью», в итоге ставшей самой большой нефтегазодобывающей компанией России. На ее сайте сегодня гордо указано, что «Роснефть» – лидер российской нефтяной отрасли и одна из крупнейших публичных нефтегазовых компаний мира.

Есть ли здесь чему радоваться? Ответ можно найти в современной экономической литературе, где содержатся весьма неодобрительные отзывы об итогах активизации правоохранительной системы. Вот что написано Егором Еайдаром и Анатолием Чубайсом в книге «Развилки новейшей истории России»: «Драматическими оказались не только долгосрочные политические, но и экономические последствия этих действий: в 2006–2007 годах произошла фактическая ренационализация значительной части нефтяной отрасли, после чего в стране добыча нефти, которая динамично росла после приватизации, стала снижаться»²⁶.

Парадоксально, но угроза уголовных репрессий в те времена настолько явно витала над головами бизнесменов, что даже в благоприятные, казалось бы, для них периоды они вынуждены были говорить о соответствующих рисках. К примеру, Платон Лебедев, давая интервью тому же журналу «Компания» в декабре 2002 года, то есть за полгода до начала преследования нефтяной компании, заявлял: «От неразумности наших политиков нет никакой гарантии... У меня нет “страховки” от правительства Российской Федерации. У меня нет гарантии, что, если будет совершена очередная глупость, мне покроют все убытки. Скорее всего, будет наоборот». Далее он сказал о том, что «если взаимодействие власти и бизнеса станет более “цивилизованным”, будет лучше. Потому что это дает базисные гарантии бизнесу. Это значит, что не будет переделов собственности с использованием административного и прочих ресурсов». Как теперь общеизвестно, пожелание бизнесмена, к сожалению, не оправдалось, а сам он оказался за решеткой.

Еще более показателен тот факт, что Михаил Ходорковский, по сути, заблаговременно предсказал даже способ вмененного ему впоследствии хищения. В интервью, показанном по пермскому телевидению 7 июля 2003 года (за 2,5 месяца до своего ареста), он на примере с изменением во времени масштаба цен пояснил, что обратную силу закона недобросовестные его применители вполне могут использовать для обвинений в мошенничестве. Что в итоге и произошло с самим Ходорковским на втором судебном процессе, прошедшем в 2009–2010 годах в Хамовническом суде Москвы, хотя здесь использовалась разница в ценах не во времени, а в пространстве.

Кстати, именно 2003 год мы считаем переломным моментом, давшим старт абсолютно неприкрытой атаке на российский бизнес, которую сегодня можно квалифицировать как геноцид...

---

²⁶ Гайдар Е., Чубайс А. Развилки новейшей истории России. М., 2011. С. 127.

Понять сущность феномена преследования бизнеса, осмыслить его действительные причины и попытаться что-то противопоставить необоснованным уголовным репрессиям можно, лишь уяснив реальные мотивы действий тех, кто облечен властными полномочиями, используемыми во вред общественным интересам.

Не оставляет никаких сомнений, что в первую очередь **следует говорить здесь о коррупции** в самых разных ее проявлениях. Начиная от банального взяточничества и до более изощренных видов мотивации неправомерного поведения.

Кстати, на упоминавшемся выше симпозиуме «Уголовная политика и бизнес» одним из докладчиков было озвучено, что в ходе проведенного исследования никто из опрошенных представителей силовых структур не отрицал, что у него имеется свой собственный бизнес. Нетрудно представить, какими методами такие «коммерсанты в погонах» решают возникающие у них проблемы в области лично-семейного предпринимательства.

Далее следует отметить **профессиональную неграмотность** субъектов, кому по должности предоставлено право решать судьбы людей. Примеров тому насчитывается великое множество, включая те, что будут приведены в этой книге.

В сочетании с неграмотностью не менее значимой и одной из самых социально опасных причин гонений на представителей предпринимательского сословия выступает то, что можно назвать **метастазами советской эпохи**.

Сначала поведаем, к каким обескураживающим выводам приходят маститые ученые по итогам своих изысканий. В сборнике «Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки» приводится следующее утверждение: «В советский период страны государство, являясь, по сути, единственным ведущим экономическую деятельность собственником, посредством уголовного права и уголовной юстиции подавляло (подвергало уголовной репрессии) всех иных (негосударственных) экономических агентов. При отказе от социалистической модели общества в качестве формальных (и соответственно, подлежащих государственной защите) институтов были провозглашены частная собственность и свобода ведения на ее основе предпринимательской деятельности. Однако такое провозглашение новых формальных институтов не привело к исчезновению института репрессии негосударственных участников экономических отношений посредством уголовной юстиции. Став с провозглашением права частной собственности незаконным, этот институт не исчез, а продолжил свое существование уже как неформальный и неправовой институт. Одновременно институт и механизмы уголовной репрессии собственников подверглись адаптации к современным условиям: поскольку непосредственная экономическая деятельность стала пониматься как не свойственная государству функция, уголовная репрессия экономических агентов стала осуществляться от имени и под прикрытием государства не столько в пользу государства, сколько в пользу любых лиц, заинтересованных в отъеме прав собственности. В первую очередь лиц, имеющих должностной или коррупционный доступ к рычагам уголовной юстиции»²⁷.

Таким образом получается, что мы имеем новую государственную формацию со старой, во многом уголовной политикой, насквозь пронизанной идеологией времен СССР. Достаточно вспомнить давно, казалось бы, умершее в законе явление, определявшееся как спекуляция – скупка и перепродажа с целью наживы (статья 154 УК РСФСР). Сейчас такие действия отнесены к обычной бизнес-деятельности, целью которой является извлечение прибыли. Но это не мешает нерадивым прокурорам и следователям усматривать в действиях коммерсантов то, что можно назвать «ценовым криминалом» со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде возбуждения уголовных дел, привлечения якобы виновных к уголовной ответственности, строгие наказания будто бы за совершенное... хищение!

---

²⁷ Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. С. 33.

Все дело в том, что бесцеремонно вторгающиеся в чуждую им сферу бизнеса, эти приверженцы дремучих взглядов на современную экономику в одних случаях считают цену покупки товара заниженной (не соответствующей рыночной или мировой), а в других – цену продажи завышенной по сравнению с ценами приобретения. И им абсолютно наплевать на Гражданский кодекс РФ, прямо предусматривающий свободу договора и положение о том, что исполнение договора оплачивается по цене, установленной соглашением сторон. Примерно такая же тягостная картина наблюдается и с другим, в свое время «усопшим» составом преступления – коммерческим посредничеством. Властолюбивые и самоуверенные «экономисты в погонах» никак не могут уяснить значимость для бизнеса посреднических операций и потому сплошь и рядом клеймят такие действия субъектов хозяйствования как фиктивные, а соответствующие компании называют в процессуальных документах подставными.

Еще одной модной методикой преследования стала криминальная оценка сделок или финансовых операций как уголовно наказуемых действий при отсутствии к ним претензий со стороны участников, контролирующих органов или судов. Апофеозом правового цинизма в подобных случаях выступают также нередкие на практике ситуации, когда правомерность поведения предпринимателя подтверждается вступившим в силу судебным решением арбитража или суда общей юрисдикции, что не мешает его гонителям реализовывать репрессии и привлекать жертву к уголовной ответственности.

Наверное, самым ярким (а если говорить точнее – диким) примером подобного рода является дело предпринимателя Суринова. Он был осужден, несмотря на то что сделки, вмененные ему в вину как якобы противоправные, были признаны соответствующими закону всей иерархией арбитражных судов, включая Высший Арбитражный суд. Тогда защита предпринимателя обратилась в Конституционный суд РФ, и тот вынес Определение от 15 января 2008 г. № 193-О-П «По жалобе гражданина Суринова Татевоса Романовича на нарушение его конституционных прав статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», где были сказаны и без того понятные непредвзятым людям простые вещи: статья 90 УПК РФ, предусматривающая для подобных случаев обязательную преюдицию (строгую обязательность учета ранее состоявшихся судебных решений), не предполагает возможность при разрешении уголовного дела не принимать во внимание обстоятельства, установленные не отмененными решениями арбитражного суда по гражданскому делу, которые вступили в законную силу, пока они не опровергнуты стороной обвинения!

Казалось бы, двери колонии должны распахнуться перед Суриновым, благодаря которому не только принято столь важное решение высшего органа конституционного контроля, но и должным образом скорректирован закон. Однако даже четкое и ясное разъяснение КС РФ смысла правовой нормы было проигнорировано преследователями Суринова, проявившими наивысшую степень правового нигилизма и продолжающими упорствовать в своем нежелании исполнять предписания закона!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.